

**«Мы знаем, что ты не родился негодяем...»
Янош Кадар на допросе у Ласло Райка, 1949 год**

Стыкалин Александр Сергеевич
Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: zhurslav@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0834-9090

Гусев Юрий Павлович
Доктор филологических наук, независимый исследователь¹
Москва, Российская Федерация
E-mail: gusev.yury@gmail.com

Стыкалин А. С., Гусев Ю. П. «Мы знаем, что ты не родился негодяем...» Янош Кадар на допросе у Ласло Райка, 1949 год // Славянский альманах. 2024. № 1–2. С. 373–426. DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.21

Публикация поступила в редакцию 30.04.2023.

Аннотация

В условиях развязанного по инициативе Сталина в 1948 г. конфликта с титовской Югославией Советский Союз предпринял меры по сплочению на антиюгославской платформе всех стран формирующегося восточного блока. Особую активность в антиюгославской кампании проявлял лидер венгерских коммунистов Матяш Ракоши, опасавшийся, что в Москве не простят ему прежней близости с руководством югославской компартии. Для того, чтобы доказать Сталину свою лояльность, а заодно же избавиться от самого сильного внутривосточного конкурента, Ракоши организовал громкий показательный процесс по делу Ласло Райка, подготовленный при участии советников из СССР по образцу больших московских процессов 1930-х гг. Суд над Райком, состоявшийся в сентябре 1949 г., способствовал дальнейшей эскалации кампании против режима Тито, в ходе

¹ Ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН в 1994–2019 гг.

которой в соответствии с новой резолюцией Коминформа, принятой в ноябре 1949 г., Югославия была объявлена страной, находившейся во власти уже не просто националистов и ревизионистов, а шпионов и убийц. Вниманию читателя предлагается протокол допроса Ласло Райка с участием будущего лидера Венгрии Яноша Кадара, который сам через два года был подвергнут жестким репрессиям режима Ракоши по схожим обвинениям. Для коммуниста-реформатора Яноша Кадара причастность к делу Райка стала таким же несмываемым пятном в политической карьере, как и подавление народного восстания 1956 г.

Ключевые слова

И. В. Сталин, Иосип Броз-Тито, Матяш Ракоши, Ласло Райк, Янош Кадар, советизация Восточной Европы, советско-югославский конфликт 1948 г., Венгрия, показательные судебные процессы.

Вниманию читателя предлагается ранее никогда не публиковавшийся в переводе на русский язык венгерский документ, относящийся к началу июня 1949 г. Прошла всего неделя после ареста органами госбезопасности Венгрии видного деятеля правящей Венгерской партии трудящихся (ВПТ) Ласло Райка, и началась интенсивная подготовка показательного судебного процесса по его делу, возмевшего широкий международный резонанс на фоне острого советско-югославского конфликта, разыгравшегося в 1948 г. Известно, что именно вследствие состоявшегося в сентябре 1949 г. суда над Райком и рядом других венгерских коммунистов инициированная Сталиным антиюгославская кампания взошла на новый виток. По итогам «дела Райка» титовская Югославия, до 1948 г. быстрее других стран народной демократии продвигавшаяся по пути приближения к сталинской модели социализма, была объявлена в соответствии с резолюцией третьего совещания Коминформа (ноябрь 1949 г.) страной, находящейся во власти не просто националистов и правоуклонистов, но шпионов и убийц. Публикуемый ниже документ интересен не только тем, что раскрывает методы «дознания», практиковавшиеся в ходе подготовки основанного на фальсифицированных обвинениях судебного процесса в сталинских традициях. И не только тем, что передает атмосферу подозрений и доносительства, царившую в условиях установления в странах Восточной Европы тоталитарных коммунистических режимов. Публикуемая фонограмма одного из допросов Райка показывает

непосредственную роль в тех событиях тогдашнего министра внутренних дел Яноша Кадара (1912–1989), который и сам через неполные два года, в мае 1951 г., оказался за решеткой на основании схожих сфабрикованных обвинений, а позже, после своего освобождения в 1954 г., сыграл огромную роль в новейшей истории собственной страны, оставив в ней не столь уж однозначный след.

Процесс Райка был неотделим, таким образом, от конфликта СССР и его сателлитов с титовской Югославией. Имея с этой страной 400-километровую границу, Венгрия уже в силу геополитического фактора оказалась на переднем крае, на самом острие этого конфликта.

Как это ни покажется парадоксальным в свете последующего развития событий, к началу 1947 г. югославо-венгерские отношения вступили в полосу настоящего подъема. Конечно, тяжелое наследие войны сохранялось в исторической памяти соседних народов, его нельзя было бы до конца изжить и за куда более долгий период. Военные столкновения весны 1941 г., жестокие расправы хортистской жандармерии над сербскими партизанами в оккупированной Воеводине и ответные (не менее кровавые) карательные акции югославских партизан против мирного венгерского населения – всё это живо помнилось многими тысячами людей, питая взаимные предубеждения. Вместе с тем маршал Тито и его окружение были заинтересованы в укреплении позиций левых, прокоммунистических сил в соседней Венгрии, своих потенциальных союзников в деле осуществления планов далеко идущих социальных реформ. В свою очередь, для Венгрии налаживание взаимопонимания с Югославией, относившейся к лагерю победителей и завоевавшей определенный международный авторитет своим смелым сопротивлением нацистским оккупантам, имело особое значение, поскольку способствовало выходу побежденной страны из политико-дипломатической изоляции. Ситуация, правда, осложнялась тем, что Югославией были заявлены в 1945 г. претензии на некоторые территории, принадлежавшие до войны Венгрии (как, впрочем, и ряду других соседних государств)². Однако руководство

2 См. работы Л. Я. Гибианского: *Gibianskii L. The Hungarian-Yugoslav Territorial Problem in Soviet-Yugoslav Political Contacts 1945–1946 // History & Politics. III. Bratislava, 1993; Gibianskii L. The Soviet Union and the Emergence of Yugoslav Communist Territorial Claims against Italy and Austria, 1941–1945 // The Alps-Adriatic Region, 1945–1955: International and Transnational Perspectives on a Conflicted European Region / ed. W. Mueller, K. Ruzicic-Kessler, Ph. Greilinger. Wien, 2018.*

СССР не было склонно всецело потакать амбициям И. Броза-Тито, применительно к Венгрии оно резонно полагало, что это подорвало бы позиции прокоммунистических сил в стране.

Даже в условиях еще не решенных территориальных споров между Венгрией и Югославией расширилось многостороннее сотрудничество. Ему способствовало то, что Югославия первой из стран, в которых проживало венгерское национальное меньшинство, приняла конкретные меры в целях обеспечения его прав на получение образования на родном языке и полноценное культурное развитие. Таким образом, и контролируемые Москвой коалиционные левоцентристские правительства послевоенной Венгрии, и правительство Югославии проявили склонность к тому, чтобы по возможности начать политику «с чистого листа», не мусируя старых взаимных обид³. Особенно активно развивались культурные связи⁴. Венцом проделанной работы по нормализации двусторонних отношений явились приезд И. Броза-Тито в Будапешт в декабре 1947 г. и подписание между странами договора о всестороннем сотрудничестве. Как бы то ни было, активизация неблагоприятных внешних факторов могла, возродив старые обиды, привести к значительному откату в двусторонних отношениях. Именно это произошло весной 1948 г.

В Москве знали не только о многосторонних связях Венгрии и Югославии, но и о близости партийных элит двух компартий. 29 апреля 1947 г. в беседе с В. М. Молотовым в Москве лидер венгерских коммунистов М. Ракоши (кстати, уроженец Воеводины, владевший сербским языком) признал значимость для венгерских коммунистов югославского примера⁵. Как отмечалось в более позднем

3 В венгерской прессе в 1946–1947 гг. широко обсуждались перспективы более тесного сотрудничества с Югославией, в том числе в рамках предполагаемого экономического союза Дунайских государств. В новых условиях, в сравнении с прежними венгерскими проектами (см.: *Стыкалин А. С.* Дунайские проекты Оскара Яси // *Вопросы национализма.* 2014. № 19. С. 189–204), более очевидной была важная роль Югославии в проектируемом союзе.

4 См.: *Кимура К.* Под знаком дунайского содружества. Венгерско-югославские культурные связи в 1945–1948 гг. // *Славяноведение.* 2010. № 5. С. 53–64.

5 Югославия у нас, заметил он, «даже популярнее, чем Советский Союз. Дело в том, что венгерский народ не боится югославо́в, а вот традиционную боязнь к русским не удалось еще изжить». См.: Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 82. Оп. 2. Д. 1151. Л. 81.

документе, «до резолюции Информбюро (с осуждением компартии Югославии, июнь 1948 г. – А. С.) у венгров с югославами была трогательная дружба, настолько трогательная, что министр внутренних дел Венгрии Л. Райк “ухитрился” утвердить явно в угоду югославам устав Демократического союза южных славян Венгрии, в котором был пункт, что этот союз является объединением по национальному признаку и членство в нем ставится выше партийной принадлежности. По сути говоря, национальные интересы тут были поставлены над интересами партии»⁶. Сталин всегда с подозрением относился к горизонтальным, плохо контролируемым из Москвы и расширяющим поле самостоятельных внешнеполитических маневров связям между странами, в той или иной мере относившимися к советской сфере влияния, не говоря уже о проектах единения дунайских стран под эгидой амбициозного, стремившегося к региональному лидерству Тито. С началом весной 1948 г. советско-югославского конфликта Ракоши, осознавая, что рассерженный на югославов советский вождь может нанести удар и по руководству венгерской компартии, принял кардинальный поворот в своей политике.

В марте 1948 г. в Будапеште под знаком содружества дунайских народов прошли масштабные торжества по случаю столетия венгерской революции 1848 г.⁷ Как культивирование венгерских патриотических традиций, так и актуализация идей позднего Л. Кошута о Дунайской федерации вызвали неудовольствие в Москве, дав повод для новых подозрений⁸. В этих условиях Ракоши, желая вывести себя из-под удара, предпринял жест лояльности Сталину, быстро присоединившись к начавшейся антиюгославской кампании. 27 марта 1948 г.

6 Запись совещания в МИД СССР 11 июня 1949 г. Цит. по: Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953. Т. 2. М.; Новосибирск, 1998. С. 150.

7 См.: *Стыкалин А. С.* Столетний юбилей начала венгерской революции 1848 г. в контексте советско-югославского конфликта // *Центральноевропейские исследования*. 2018. Выпуск 1 (10). День в календаре. Праздники и памятные даты как инструмент национальной консолидации в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе XIX–XXI вв. / гл. ред. О. В. Хаванова. М.; СПб., 2019. С. 67–89.

8 См. написанную по свежим следам юбилея справку от 24 марта 1948 г. «О националистических ошибках руководства Венгерской компартии и буржуазном влиянии в венгерской коммунистической печати», подготовленную в аппарате ЦК ВКП(б): *Восточная Европа...* Т. 1. М.; Новосибирск, 1997. С. 802–806.

в адрес руководства компартии Югославии (КПЮ) было отправлено письмо от ЦК ВКП(б) за подписями Сталина и Молотова с суровыми обвинениями по целому ряду принципиальных вопросов двусторонних отношений⁹. Спустя четыре дня, 31 марта 1948 г., это письмо было направлено также лидерам всех партий – членов Коминформа для информации¹⁰. Из всех партий, уведомленных о серьезных межпартийных разногласиях, венгерская отреагировала быстрее и жестче других, первой подключившись к антиюгославской кампании. Уже 8 апреля М. Ракоши отправил Тито письмо от имени своего политбюро, не только всецело поддержав позицию Москвы, но и выразив недоверие руководству КПЮ. Несколько позже венгерские коммунисты также первыми вслед за ВКП(б) приняли решение не посылать своих представителей на съезд КПЮ, запланированный на июль.

Всего этого было, однако, недостаточно, чтобы развеять недоверие Сталина к руководству венгерской компартии в условиях все углублявшегося советско-югославского конфликта. В структурах ВКП(б) составлялись записки о националистических тенденциях в деятельности венгерской компартии (с лета 1948 г., после объединения с левыми социал-демократами, Венгерской партией трудящихся, ВПТ)¹¹. Они вполне могли быть востребованы в случае, если бы Сталин навел на резкость вопрос о замене руководства венгерской партии. Мы не знаем, насколько об этом был информирован Ракоши. Во всяком случае, он с первых месяцев стремился отвести любые обвинения Кремля в недостаточной лояльности, скрытых проюгославских симпатиях, попытках уклониться от магистрального советского пути к социализму и общей линии «народно-демократических режимов» Восточной Европы в югославском вопросе.

9 18 марта 1948 г. отдел внешней политики ЦК ВКП(б) представил секретарю ЦК ВКП(б) М. А. Сулову пространный материал под названием «Об антимарксистских установках руководителей компартии Югославии в вопросах внешней и внутренней политики». См.: Восточная Европа... Т. 1. С. 787–800. Он лег в основу письма Сталина и Молотова югославскому руководству. См.: Секретная советско-югославская переписка 1948 года / вступительная статья и примечания Л. Я. Гибанского // Вопросы истории. 1992. № 4/5. С. 119–136; № 6/7. С. 158–172; № 10. С. 141–160.

10 *Кимура К.* «Дело Райка» в контексте венгерско-югославских отношений // Славяноведение. 2012. № 1. С. 3–15.

11 РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 188. Л. 25.

Общий климат в двусторонних венгерско-югославских отношениях быстро менялся. Поступательное их ухудшение привело к развертыванию в Венгрии мощной антиюгославской медиакампании. Если до опубликования в конце июня 1948 г. резолюции второго совещания Коминформа с осуждением КПЮ венгерские газеты и журналы регулярно писали о дружбе с Югославией, о важности дунайского сотрудничества и т. д., то через считанные недели тон публикаций резко изменился. Чувствительным для Белграда недружественным шагом официального Будапешта стала приостановка венграми уплаты Югославии предусмотренных мирным договором 1947 г. репараций в объеме 70 млн долл. США.

Антиюгославская кампания в Венгрии развивалась по нарастающей и достигла своего апогея к середине 1949 г. В это время Ракоши, стремясь завоевать расположение Сталина, в угоду официальной Москве взялся за организацию при помощи советских «экспертов»-силовиков наиболее громкого в Восточной Европе показательного судебного процесса антиюгославской направленности.

В докладе А. А. Жданова на втором совещании Коминформа (21 июня 1948 г.) была подчеркнута необходимость «чистки» компартий стран народной демократии от чужеродных и враждебных элементов. Развернувшаяся кампания приобрела антиюгославскую окраску. Начались усиленные поиски «титовистов» в собственных рядах. В 1949 г. были организованы судебные процессы по делам видных представителей компартий на основании действительных или мнимых югославских связей – К. Дзодзе (Албания), Т. Костова (Болгария), Л. Райка (Венгрия) и т. д.

Будапештский суд над Ласло Райком представлял собой наиболее резонансный пример открытого суда, призванного осудить руководство КПЮ. Видный деятель венгерской компартии стал главным действующим лицом грандиозного политического спектакля, срежиссированного в угоду Сталину и призванного послужить компрометации его заклятого политического врага, не покрившегося диктату Москвы. При всем вопиющем несовершенстве режиссуры, на которое обратили внимание многие наблюдатели¹², суд в общем выполнил поставленную перед ним задачу, послужив

12 Представляет интерес, в частности, отклик ведущего венгероязычного писателя Югославии Эрвина Шинко: *Стыкалин А., Кимура К., Якименко О.* Дело Райка 1949 г.: взгляд из Югославии // *Россия и Венгрия на перекрестках европейской истории.* Ставрополь, 2016. Вып. II. С. 243–273.

толчком к эскалации обвинений против «клики Тито». Организацией этого процесса Ракоши заявил о себе на весь мир как предельно лояльный Москве и приверженный сталинской линии (и более того, зачастую идущий впереди всех по пути ее осуществления) коммунистический политик.

Чем был мотивирован выбор Ласло Райка в качестве центральной фигуры показательного процесса и какова была при этом роль Москвы?

В августе 1948 г. во время беседы посла СССР в Венгрии Г. М. Пушкина с членом руководства ВПТ Э. Герё речь шла об освобождении Л. Райка от обязанностей министра внутренних дел из-за присущих ему «бонапартистских тенденций» в политической практике и «недружелюбного отношения к Советскому Союзу»¹³. В те же дни, 16 августа, теперь уже М. Ракоши снова акцентировал внимание советского посла на недружелюбном отношении Л. Райка к СССР как главной причине его освобождения от должности. Г. М. Пушкин, судя по его донесению, не хотел, чтобы у Л. Райка создалось представление, что его удалили с поста министра внутренних дел по требованию руководства СССР, поскольку это могло негативно сказаться на общении посла с Л. Райком теперь уже в новом его амплуа – министра иностранных дел¹⁴.

В советских партийных документах, где содержалась характеристика положения в венгерской компартии, не столько на Райка, сколько на самого Ракоши возлагалась ответственность за «националистические ошибки», недооценку советского опыта и т. д. Но складывается впечатление, что Ракоши, который в свете своей прежней близости с Тито и его окружением не вызывал доверия в Москве и, очевидно, мог опасаться за свое будущее, сумел в течение нескольких

13 Последнее Райк всячески отрицал. См.: *Мурашко Г. П., Носкова А. Ф.* Советское руководство и политические процессы Т. Костова и Л. Райка // Сталинское десятилетие холодной войны: факты и гипотезы. М., 1999. С. 28.

14 Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 077. Оп. 28. П. 125. Д. 6. Л. 83. Пост министра иностранных дел, который вскоре получил Райк, в тех условиях был гораздо менее влиятелен, чем пост министра внутренних дел, в силу очень ограниченных возможностей внешнеполитических маневров для Венгрии, недавнего сателлита нацистской Германии, с которым только в 1947 г. был подписан мирный договор державами-победительницами.

месяцев «перевести стрелку» на своего политического конкурента Л. Райка как на главного «титои́ста» и югославского агента в Венгрии. Дело облегчалось тем, что у Райка не было тесной связи с Москвой, и он едва ли мог рассчитывать на заступничество ВКП(б) или советских спецслужб. Однако если попытаться выявить роль советского фактора (во всех его разносторонних проявлениях) в подготовке процесса, важно заметить, что недоверие к Л. Райку в Москве постепенно углублялось.

В биографии Ласло Райка (1909–1949), выходца из трансильванских немцев, с 1931 г. активного участника коммунистического движения в Венгрии, Чехословакии и других странах, было немало темных моментов, дававших повод заподозрить его в «двойной игре»¹⁵. В самом деле, еще в 1931 г., во время первого своего ареста в хортистской Венгрии, 22-летний Л. Райк, для того чтобы оказаться на свободе, давал подписку, что не будет заниматься политикой, хотя вскоре нарушил это обязательство. Позже, после поражения республиканцев в гражданской войне в Испании, Л. Райк в числе других коммунистов-интернационалистов, участвовавших в войне, оказался в лагере для интернированных во Франции, где различные спецслужбы активно вербовали своих агентов. Имелся в биографии Райка и эпизод, связанный с его временным исключением из подпольной компартии по обвинению в принадлежности к троцкистам¹⁶. Покрыты мраком неизвестности были также обстоятельства возвращения Л. Райка в Венгрию в годы Второй мировой войны, неясной оставалась его роль в самороспуске подпольной венгерской компартии в 1943 г., начавшей вскоре функционировать под другим названием («Партия мира»)¹⁷. Арестованный крайне

15 Впоследствии и Ракоши, пытавшийся снять с себя ответственность за «дело Райка» и переложить ее на Л. Берию и его людей (а также на соратников по своей партии М. Фаркаша и Г. Петера), признал в мемуарах, что личность Райка была «удобна для провокаций». См.: «Людьми свойственно ошибаться». Из воспоминаний М. Ракоши // Исторический архив. 1997. № 3. С. 112–113.

16 В троцкистских связях подозревалась и жена Райка Юлия Райк, что, впрочем, благодаря влиянию мужа не помешало ей после 1945 г. делать карьеру в женском прокоммунистическом движении.

17 Впрочем, к этому эпизоду в истории венгерского коммунистического движения был напрямую причастен и Кадар, против которого Ракоши через два года разыграл ту же карту, обвинив его в связях с хортистской охранкой и ликвидаторстве. Эти обвинения послужили основой при фабрикации «дела» и подготовке закрытого судебного

правым, нилашистским правительством в декабре 1944 г. и оказавшийся затем в концлагере на западе Германии, Л. Райк не только выжил и сохранил здоровье (что, впрочем, вызывает гораздо меньше вопросов в силу его «арийского» происхождения), но и был в числе первых освобожден оккупационными войсками США, посодействовавшими ему к тому же в возвращении на родину уже в мае 1945 г. Это могло вызвать подозрения в том, что его забросили в Венгрию в качестве американского агента. Между тем большое влияние харизматичного Л. Райка в среде венгерских коммунистов-подпольщиков сохранялось вопреки любым подозрениям и способствовало его скорому избранию не только в ЦК, но даже в политбюро венгерской компартии. Вдобавок ко всему старший брат Л. Райка был видным членом нилашистской партии, бежавшим в начале 1945 г. на Запад (согласно распространенной версии, именно он в конце 1944 г. сумел спасти брата от расстрела нилашистами).

Компрометирующие Л. Райка факты биографии были известны в аппарате ЦК ВКП(б) от унаследованных от распущенного в 1943 г. Коминтерна структур, ведавших кадровыми вопросами мирового коммунистического движения (так называемые НИИ № 100 и 205). Существовало к тому же стойкое предубеждение, что «движение Сопrotивления в Венгрии руководилось английской разведкой»¹⁸, что, разумеется, бросало тень на Райка, одну из видных фигур в этом движении в 1943–1944 гг. Таким образом, Ласло Райк явно не был «человеком Москвы», а его деятельность с марта 1946 г. по август 1948 г. в должности министра внутренних дел Венгрии давала поводы для недовольства со стороны советских спецслужб. В частности,

процесса, по итогам которого Кадар в 1952 г. был приговорен к пожизненному тюремному заключению, суровые приговоры получил и ряд других коммунистов. Эта тема нашла отражение и в первой продолжительной беседе с Я. Кадаром А. И. Микояна 14 июля 1956 г. во время посещения им Будапешта для участия в работе партийного пленума, освободившего Ракоши от высшего поста в ВПТ. А. И. Микоян считал своей целью ближе познакомиться с человеком, которому предстояло играть (как уже тогда было очевидно) одну из ключевых ролей в венгерской политике на новом этапе. См.: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. М., 1998. С. 160–168.

18 См. справку канцелярии Секретариата Информбюро о члене Политбюро и Оргбюро ЦК ВПТ Л. Райке. Март – апрель 1949 г.: Восточная Европа... Т. 2. С. 65 (РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 94. Л. 99–102).

уже в 1946 г. он попытался несколько отодвинуть от руководящих должностей в политической полиции тех венгерских коммунистов, которые находились в эмиграции в СССР, воевали в советских партизанских отрядах, и это привело его к конфликту с Союзной контрольной комиссией по Венгрии (СКК), всецело контролируемой Москвой (ее возглавлял член Политбюро маршал К. Е. Ворошилов). Райк отказался также от создания института советских советников при министре внутренних дел, а в 1947 г., при ликвидации СКК, потребовал передачи венгерскому МВД списков советской агентуры, работавшей в Венгрии (это было воспринято как неслыханная дерзость). Москва терпела слишком самостоятельного и амбициозного Л. Райка в роли министра внутренних дел побежденной и ждавшей определения своего послевоенного статуса Венгрии только в силу его активности в деле устранения из политической жизни противников компартии. Роль этого не слишком разборчивого в средствах политика в установлении коммунистической диктатуры в Венгрии была весьма велика, а его реальный облик мало походил на тот мифологизированный образ борца со сталинизмом, который возник в 1956 г., после реабилитации Л. Райка, на реформ-коммунистической волне, порожденной XX съездом КПСС.

Будучи сторонником жестких мер в борьбе с противниками компартии, Л. Райк вместе с тем, как это ни парадоксально, давал повод упрекать себя в недооценке влияния коммунистов в органах МВД. Так, в начале ноября 1947 г., во время пребывания Ракоши в СССР, он издал приказ о роспуске всех парторганизаций в полиции. Поскольку там уже с 1945 г. преобладали коммунисты, это коснулось прежде всего их. Тем самым министр внутренних дел, стремившийся ко все большей независимости, вступил в конфликт с руководством своей партии. Ракоши опасался слишком амбициозного Райка, пытавшегося не только всецело подчинить себе политическую полицию (а значит, сделать ее потенциальным орудием в собственных политических играх), но и установить непосредственные связи с Москвой по линии спецслужб. В августе 1948 г., когда в Венгрии уже существовала монополия ВПТ на власть, он добился его перевода на менее влиятельный в тех условиях пост. В должности министра внутренних дел Райка сменил считавшийся в то время менее самостоятельным коммунистическим политиком Я. Кадар.

В аппарате ЦК ВКП(б) воспринимали Л. Райка и как активного сторонника сближения Венгрии с титовской Югославией, правда, в этом отношении он не слишком выделялся на фоне других деятелей

венгерской компартии. Позже, в самый канун венгерской революции октября 1956 г., в венгерской прессе были опубликованы, став сенсацией¹⁹, свидетельства социал-демократа П. Юстуса, проходившего с Л. Райком по одному судебному делу, но не получившего смертного приговора и позже амнистированного. Согласно П. Юстусу, весной 1948 г. Л. Райк якобы выступил вопреки позиции ВКП(б) и Ракоши за сохранение близких отношений с Югославией и за венгерское посредничество в разрешении советско-югославского конфликта. Однако эти свидетельства не подтверждаются другими известными нам источниками. Нам представляется, что верность Л. Райка своим прежним проюгославским симпатиям делала невозможным его назначение на пост министра иностранных дел в августе 1948 г., в условиях, когда внешнеполитические ориентации страны следовало резко изменить именно на югославском направлении.

Впрочем, независимо от позиции Л. Райка в югославском вопросе, компрометирующих фактов в его биографии было вполне достаточно для искусственной фабрикации судебного дела, на которую дал добро Ракоши, решив в интересах укрепления своих внутривластных позиций и доверия Москвы проявить особую активность в антиюгославской кампании, попутно избавившись от наиболее опасного конкурента в рядах собственной партии. При конструировании судебного дела охотно использовалось все, что подтверждало концепцию, согласно которой Л. Райк с 1931 г. был агентом венгерской охраны, а с 1943 г. – англо-американским шпионом, работавшим совместно с югославскими агентами тех же разведок. Таким образом, существовавшее в Москве недоверие к Л. Райку, равно как и стоявшая за ним репутация последовательного приверженца венгерско-югославского сближения, делали его удобной фигурой для выдвижения на роль главного подсудимого, причем именно на процессе антиюгославской направленности.

Несомненно, Ракоши задумал проведение суда по делу Райка, в определенной мере играя на опережение. Ведь он прекрасно понимал, что и над ним могут сгуститься тучи. И дело не только в том, что он был ранее не меньшим, чем Л. Райк, протагонистом венгеро-югославской дружбы. Посол СССР Г. Пушкин в мае 1949 г. выражал недовольство также стремлением Ракоши создать ручную политическую полицию, не имеющую связей с СССР, «или, в крайнем случае, связь должна проходить только через него»; по словам Пушкина,

19 Советский Союз и венгерский кризис... С. 310–314.

Ракоши внимательно следил за тем, чтобы в Москву не проникала нежелательная для него информация о положении в Венгрии – в той мере, в какой это было возможно²⁰.

Главной целью показательного судебного процесса, по замыслу Ракоши, было подтвердить подозрения Москвы относительно существования в ВПТ мощной югославской агентуры, выведя вместе с тем из-под удара самого себя. Проведение, причем именно в «засоренной» «титоистами» Венгрии, такого процесса соответствовало и ожиданиям Сталина, жаждавшего новых громких разоблачений Тито и его окружения. В условиях, когда от «проштрафившихся» близостью к Тито венгерских коммунистов требовались все новые и новые свидетельства лояльности генеральной линии мирового коммунистического движения, организация такого суда выглядела совершенно своевременной и с точки зрения интересов самосохранения венгерской коммунистической элиты.

Конкретные обстоятельства ареста Л. Райка и подготовки судебного дела неоднократно становились предметом исследований²¹. Здесь стоит лишь заметить, что на первых допросах Райк, арестованный 30 мая 1949 г., несмотря на жестокость обращения с ним, категорически отрицал какие-либо свои шпионские связи, отвергал все обвинения (это хорошо видно и из публикуемого ниже источника). Дело сдвинулось с мертвой точки лишь с приездом в Будапешт из Москвы советников во главе с генерал-лейтенантом госбезопасности М. И. Белкиным, хорошо знавших технологию фабрикации показательных процессов. По версии «следствия», Л. Райк впервые встретился с Тито в Париже, когда тот занимался комплектацией интербригад для помощи республиканской Испании, а вместе с будущим шефом югославской госбезопасности А. Ранковичем находился в лагере для испанских беженцев во Франции уже после победы генерала Франко

20 РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 94. Л. 92.

21 Из исторической литературы, в которой нашли отражение обстоятельства подготовки и проведения процесса по делу Райка, см.: *Желицки Б. Й.* Трагическая судьба Ласло Райка. Венгрия 1949 г. // Новая и новейшая история. 2001. № 2. С. 125–138; № 3. С. 166–186; *Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф., Покивайлова Т. А.* Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа (1949–1953). М., 2002; *Петров Н. В.* По сценарию Сталина: роль органов НКВД–МГБ СССР в советизации стран Центральной и Восточной Европы. 1945–1953 гг. М., 2011.

в гражданской войне. Используя имевшиеся данные о реальных контактах Райка с югославскими коммунистами и прибегая во многих случаях к домыслу, организаторы дела разработали версию, согласно которой он еще в 1930-е годы установил прямые связи с югославскими агентами иностранных разведок, а позже сам был завербован для шпионажа в пользу разведок – сначала английской, затем американской, а к 1945 г. и югославской. Стремление к криминализации своих политических оппонентов Ракоши унаследовал от устроителей больших московских процессов 1930-х годов (несмотря на то, что сам в то время находился в хортистской тюрьме): ему важно было показать, что его противники являлись не людьми идеи, а заурядными провокаторами, орудием в руках Тито и Ранковича (другой вопрос, насколько убедительно это было сделано на самом судебном процессе). В соответствии с поставленными задачами и разрабатывалась вся концепция обвинения. Ракоши был осведомлен о начавшемся в Болгарии процессе по «делу Трайчо Костова», оба разоблачительных процесса готовились параллельно и под контролем советников из СССР, перед которыми стояла задача доказать, что Тито и Ранкович «хотели сделать в Болгарии на базе личности Т. Костова то же, что сделали на базе личности Райка в Венгрии»²².

В момент приезда в Будапешт Белкина и его команды недоверие к Ракоши в Москве сохранялось, советские «эксперты» имели определенное предубеждение против венгерского лидера, в ходе совместной работы возникали конфликты. Однако всем было очевидно, что такого рода процесс был нужен Сталину для эскалации обвинений против Тито в интересах консолидации сателлитов на антиюгославской платформе. Поэтому инициатива Ракоши по проведению суда над Райком получила одобрение в Москве, за его подготовкой внимательно следили в Кремле, конкретные детали обсуждались в переписке Сталина и Ракоши²³, а также во время приема Ракоши советским вождем²⁴. Судя по имеющимся документам, у венгерского лидера

22 Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Документы. Т. 2. М., 2002. С. 177.

23 См. публикацию, подготовленную на основании венгерских архивов: *Rainer M. J. Távirat "Filippov" elvtársnak. Rákosi Mátyás üzenetei Sztálin titkárságának, 1949–1952 // 1956-os Intézet Évkönyv. VI. Budapest, 1998. 103–118 о.*

24 Венгерский коммунистический лидер отразил это в своих воспоминаниях. См.: «Людям свойственно ошибаться»... С. 131. Встречи

не было доверительных отношений с советским послом Г. М. Пушкиным, отзыв которого в конце июня совпал с активизацией работы по фабрикации дела²⁵.

В венгерской коммунистической верхушке не только Ракоши процессом по делу Райка стремился убить сразу двух «зайцев» – избавиться от опасного конкурента и выслужиться перед Сталиным, развеяв его недоверие. Не меньшую активность в устранении Райка проявил давно соперничавший с ним влиятельный министр обороны и заместитель генерального секретаря Центрального руководства ВПТ М. Фаркаш (он участвовал вместе с Кадаром в допросе 7 июня 1949 г., фонограмма которого публикуется ниже). Не исключено, что именно ему первому пришла в голову идея сделать Райка главным фигурантом большого показательного процесса. Это дало возможность Ракоши уже после XX съезда КПСС, весной 1956 г., в условиях активизировавшихся нападков со стороны внутривластной оппозиции, попытаться переложить главную ответственность за суд над Райком с себя на Фаркаша, который был в 1956 г. арестован, осужден и провел ряд лет в заключении по обвинениям в нарушении законности.

Внушавшие подозрение эпизоды были и в биографии партийного работника Тибора Сёни, приобщенного к делу Л. Райка. Живя во время войны в эмиграции в Швейцарии, он, как и некоторые другие коммунисты, работавшие в пользу антифашистской коалиции, получал деньги от благотворительной организации, контролировавшейся шефом американской разведки в Европе Алленом Даллесом (будущим директором ЦРУ и родным братом будущего госсекретаря в администрации Д. Эйзенхауэра Джона Фостера Даллеса). Полученный весной 1949 г.

Ракоши со Сталиным в Кремле нашли отражение в дневнике посетителей кремлевского кабинета вождя. К периоду подготовки суда над Райком относится продолжавшаяся более 2 часов встреча от 20 августа. См.: На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953 гг.). М., 2008.

25 О начале разработки дела Пушкин не был информирован. Так, в середине мая 1949 г. он жаловался эмиссару Информбюро С. Заволжскому на то, что Ракоши по сути запретил политической полиции заниматься выявлением троцкистов и других «враждебных лиц» в партии и что слишком большое доверие оказывается коммунистам, вернувшимся в Венгрию с Запада, тогда как в аппарате МИДа до сих пор остаются неразоблаченными явные шпионы (РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 94. Л. 92–95). На самом деле в эти дни уже началась волна арестов, захватившая среди прочих и коммунистов, приехавших с Запада, и работников МИДа.

новый компромат на Т. Сёни, касавшийся его связей времен войны, стал отправной точкой в фабрикации дела Райка.

Усилиями генерала Белкина и его сподручных концепция будущего процесса, совсем не ясно проступавшая из публикуемого ниже источника (одного из первых допросов), постепенно обретала свои очертания, и антиюгославская составляющая в ней усиливалась. Приданию делу Л. Райка антититовской направленности способствовало подключение к нему югославского коминформовца, одно время дипломата в Будапеште Лазара Бранкова, доставленного из Москвы. Согласно разработанной версии, Бранков не только активно вербовал агентуру в Венгрии для подрывной работы в пользу Югославии, именно через него как посредника осуществлялась связь Райка и ряда его сообщников в высших органах власти Венгрии с Тито и Ранковичем в целях свержения действующего правительства и установления другого, проюгославского.

Наряду с антиюгославской сохраняла, впрочем, актуальность и антиамериканская составляющая следственно-судебной конструкции, которую обеспечивал арестованный в мае 1949 г. в Праге и доставленный по настоянию Ракоши в Будапешт левый американский журналист Н. Филд, одно время сотрудничавший с советской разведкой. Именно руководимая Филдом в годы войны благотворительная структура, находившаяся в Швейцарии, с санкции ЦРУ перечисляла средства восточноевропейским коммунистам, боровшимся с нацизмом. Согласно разработанной схеме, Райк якобы был завербован американскими спецслужбами в лице Филда и после освобождения из концлагеря получил задание вернуться на родину, с тем чтобы сразу же приступить к дезорганизации коммунистического движения. Его связи как с американцами, так и с югославами были, по замыслу, звеньями единой разведывательной сети. При отборе конкретных персонажей для участия в показательном процессе учитывались любые биографические детали, подтверждавшие связи с Югославией. Так, уже упомянутый Т. Сёни вернулся в Венгрию в 1945 г. из Швейцарии через Югославию, имел определенные связи в этой стране, которым была дана соответствующая интерпретация, подтверждавшая сконструированную версию о шпионской деятельности. Широко использовались против Райка показания бывшего при нем руководителем пресс-службы МВД Ш. Череснеша, которому в 1945 г. разведка югославских партизан действительно предлагала заняться в Венгрии агентурной работой; сам Череснеш, вернувшись на родину, уведомил компартию о своих югославских контактах. Что касается Л. Райка, то его,

по всей вероятности, единственная рабочая встреча в декабре 1947 г. в роли министра внутренних дел с шефом югославской госбезопасности А. Ранковичем, получив криминальную окраску, интерпретировалась как важнейший этап в подготовке заговора.

С конца мая в Венгрии предпринимались многочисленные аресты. В ходе фабрикации дела Л. Райка всего через допросы прошло около 200 человек, в том числе группа генералов и офицеров (параллельно велась подготовка дела о военном заговоре во главе с генералом Д. Палфи). В соответствии с задуманной концепцией действия проюгославски настроенных генералов при прямой военной поддержке маршала Тито и усилия партийно-государственных функционеров во главе с Л. Райком рассматривались как звенья одной цепи в процессе достижения общей цели – захвата власти, устранения правящей верхушки во главе с Ракоши, отрыва Венгрии от СССР, установления проюгославского режима, а затем и реставрации капиталистических порядков.

Политический спектакль по «делу Райка» открылся 16 сентября 1949 г. во Дворце профсоюза металлистов в Будапеште в присутствии многочисленных журналистов коммунистической и левой печати из разных стран. Югославские журналисты не были допущены в зал заседаний²⁶. В опубликованном еще 10 сентября обвинительном заключении подсудимым инкриминировалось руководство организацией, ставившей своей целью свержение народно-демократического строя, ликвидацию независимости Венгрии при вооруженной поддержке «банды Тито», отрыв страны от СССР. Дело Райка было представлено как заговор международного масштаба, все обвиняемые признали себя виновными, выступив в соответствии со сценарием с четко прописанными, заученными ролями. В признаниях акцент делался на югославские связи, выступавшие ссылались на якобы имевшие место непосредственные указания Тито и Ранковича, которые в свою очередь согласовывали свои планы с США. Югославские связи «банды Райка» персонифицировала на процессе очень удобная фигура Бранкова (тоже сидевшего на скамье подсудимых и приговоренного к пожизненному заключению – его, как и Череснеша, решено было «приберечь» для новых разоблачений югославских деяний), который, как «выяснилось», завербовал в 1945 г. Л. Райка в югославскую разведку, зная

²⁶ В качестве корреспондента газеты «Правда» присутствовал и в «нужном» духе освещал события лауреат сталинской премии Борис Полевой.

о его симпатиях к Тито. С каждым днем, по мере выступлений подсудимых, всплывали все новые и новые «коварные замыслы» югославских лидеров – причем в отношении не только Венгрии, но и других стран. Тесные связи Венгрии с Югославией в 1945–1947 гг., планы дунайского и балканского сотрудничества с участием Венгрии – все это подавалось как результаты сознательной подрывной работы Райка и его приспешников, завербованных Белградом.

Вынесение окончательных судебных приговоров было согласовано со Сталиным, который в письме от 22 сентября в свете прозвучавших на показательном процессе признаний обозначил свое мнение: «Считаю, что Л. Райка надо казнить, так как любой другой приговор в отношении Л. Райка не будет понят народом»²⁷. По сути дела именно Сталин решил судьбу Л. Райка, хотя иногда, разыгрывая свой собственный спектакль, он давал понять Ракоши, что предоставляет венгерской стороне самостоятельность в ведении следствия и выборе меры наказания. Детали действительно определялись Ракоши и его советниками из советских спецслужб. Это касалось и подбора «актеров» на определенные роли (в том числе судей и адвокатов). Источники свидетельствуют о многочисленных указаниях Ракоши, подобных указанию подобрать на роль адвоката «еврея неприятной наружности», не способного вызвать симпатий у большинства присутствующих в зале суда. Об этом хорошо известно, в частности, из относящихся к 1956 г. показаний Г. Петера, шефа венгерской политической полиции, впоследствии арестованного.

Ласло Райк до самого конца процесса послушно играл роль, отведенную ему по сценарию. В своем последнем слове он осудил Тито и его «американских хозяев». Главный обвиняемый временами проявлял слишком большую готовность признать собственные преступления и, более того, выступить в качестве рупора для изложения коминформовской версии событий, что вызвало недоумение даже присутствовавших на процессе советских эмиссаров²⁸ и заставило многих западных

27 Документ приводится и анализируется в послесловии В. Середы к книге: *Сас Б.* Без всякого принуждения. История одного сфабрикованного процесса. М., 2003. С. 270.

28 Так, функционер внешнеполитической комиссии ЦК ВКП(б), курировавший Венгрию, С. Г. Заволжский, констатировав решение задачи по разоблачению Тито, вместе с тем отметил нелепость отдельных сцен показательного процесса, заставляющих усомниться в справедливости обвинений и достоверности всей конструкции. Ему не понравилось,

(не говоря уже про югославских) наблюдателей на страницах прессы решительно усомниться в достоверности показаний, проводя при этом параллели с большими московскими процессами 1936–1938 гг., выполненными менее «топорно»²⁹. Сомнений в инсценированности процесса не было и у многих восточноевропейских коммунистов. Так, в документе от 30 сентября 1949 г. зафиксировано, что чехословацкие дипломаты в частных беседах со своими румынскими коллегами рассматривали процесс по делу Л. Райка как инсценировку, очень плохо подготовленную: в ней не сходятся концы с концами, приводится много фактов не только не задокументированных, но и абсолютно неправдоподобных: большие московские процессы предлагали своим зрителям пусть тоже сфабрикованные, но всё же более убедительные конструкции³⁰. Наибольший «прокол» в ходе сентябрьского процесса 1949 г. произошел, когда в ходе выступлений обвиняемых, в том числе самого Райка, был назван ряд деятелей КПЮ, которые якобы воевали вместе с Райком в Испании, хотя на самом деле их там не было³¹. Все это давало

в частности, что некоторым подсудимым, и в первую очередь самому Л. Райку, «удалось разыграть из себя на процессе политических деятелей, идейных людей. Часто Л. Райк выступал на процессе не как свидетель, а как лектор, дающий марксистский анализ прошедших событий. Вряд ли целесообразно было давать подсудимым политически разглагольствовать, а тем более, когда преступники начали в своих выступлениях агитировать за Советский Союз, за вождя трудящихся М. Ракоши и т. д. Средний человек, слушая такое выступление, мог подумать, что это инсценировка» (Докладная записка в Секретариат Информбюро от 29 сентября 1949 г. См.: Восточная Европа... Т. 2. С. 231–232).

29 Пресс-атташе венгерского посольства Ференц Фейтё (позже получивший известность как ведущий эксперт французской социалистической партии по восточноевропейским делам Франсуа Фейто), лично знакомый с Л. Райком еще по 1930-м гг., порвал со своим правительством и в ноябре 1949 г. выступил в газете французских социалистов «Эспри» со статьей под заголовком «Дело Райка: международное дело Дрейфуса», в которой на примерах показал сконструированность обвинений на процессе, призванном довести до сознания масс идею о том, что «вне советской модели нет благодати».

30 Из дневника советника посольства СССР в Югославии Г. П. Шнюкова. См.: Советский фактор в Восточной Европе... Т. 2. С. 176.

31 Один из этих людей, С. Вукманович (известный также по партийной кличке Темпо), впоследствии, в 1955 г., в условиях советско-югославского примирения напомнил об этом Н. С. Хрущеву во время первого

югославскому правительству поводы для громких протестов, в которых указывалось на явную надуманность обвинений, заведомо направленных на то, чтобы подлить масла в огонь антиюгославской истерии³². В невиновность Райка, довольно популярного среди ветеранов венгерского коммунистического движения, продолжали верить многие активисты венгерской компартии. В свою очередь люди, далекие от компартии, зачастую оставались безразличны к процессу, считая его внутренней разборкой в среде коммунистов.

Вопрос о том, что заставляло людей оговаривать себя, не раз поднимался в литературе. В этом пытался разобраться один из оставшихся в живых подсудимых, публицист Бела Сас, в известной книге «Без всякого принуждения», написанной в эмиграции³³. Несомненно, наря-

его посещения Югославии. В докладе Хрущева на июльском пленуме ЦК КПСС 1955 г. по итогам поездки в Белград приводится следующий эпизод: «Между прочим, когда мы ехали в машине вместе с т. Вукманович-Темпо (это очень непосредственный человек), он нам сказал: “Я, по утверждению вашей печати, шпион и убийца и завербован, как это писали, во время пребывания в Испании. Но ведь в Испании я никогда не был...”» (см.: Советско-югославские отношения. Из документов июльского пленума ЦК КПСС 1955 г. // Исторический архив. 1999. № 2. С. 42).

32 Уже упомянутый Заволжский так комментирует этот «прокол»: «Суд прошел мимо таких фактов, когда Райк, может быть с провокаторской целью, назвал ряд югославских государственных деятелей как лиц, якобы бывших с ним в Испании и в лагерях во Франции, когда на самом деле они никогда там не находились. Венгерские товарищи, не уточнив этого факта, опубликовали сказанное Райком в печати. Это дало в руки клике Тито единственный козырь заявлять, что судебный процесс в Будапеште – инсценировка, направленная на клевету югославского правительства» (Записка от 29 сентября 1949 г. См.: Восточная Европа... Т. 2. С. 232).

33 Сас Б. Без всякого принуждения... Журналист и редактор Бела Сас (1910–1999), участник нелегального коммунистического движения в Венгрии 1930-х годов, в 1937–1946 гг. находился в эмиграции во Франции и Аргентине. Позже возглавлял отдел печати МИД Венгрии. Арестован в мае 1949 г., освобожден по амнистии в 1954 г. 6 октября 1956 г. выступил с яркой речью на торжественной церемонии перезахоронения останков Ласло Райка, реабилитированного еще в ноябре 1955 г. После подавления венгерской революции 1956 г. эмигрировал, работал в эмигрантской прессе и на BBC. Книга «Без всякого принуждения», анализирующая механизмы судебного процесса 1949 г., была опубликована в 1963 г. Переведена на целый ряд языков.

ду с угрозами применялись и другие средства – стремление сыграть на коммунистической убежденности Л. Райка и других, заставить их поверить в то, что своими признаниями они окажут неоценимую услугу движению. Процесс нужен был для свержения власти Тито, и ради этого убежденных коммунистов просили взять вину на себя ввиду сложностей международной обстановки (мотив этот нашел отражение и в публикуемой ниже фонограмме допроса, хорошо передающей при этом эмоциональное состояние Райка). При этом нельзя исключать, что организаторы процесса обещали сохранить подсудимым жизнь (и применительно к некоторым, кстати сказать, выполнили свое обещание).

Смертные приговоры Л. Райку, Т. Сёни, А. Салаи, вынесенные 24 сентября, были приведены в исполнение 15 октября³⁴. Более кровавый Фаркаш предлагал такую меру для всех подсудимых, но предусмотрительный Ракоши с этим не согласился исходя из сугубо прагматических соображений: он строил планы проведения новых процессов. Если Л. Бранкову стоило сохранить жизнь для дальнейшего разоблачения «клики Тито» (эта задача отнюдь не считалась исчерпанной), то деятелю социал-демократии П. Юстусу – для разоблачения некоторых бывших социал-демократов. Не мифический, как Л. Райк, а вполне реальный враг венгерского коммунистического режима кардинал Миндсенти, за полгода до этого поносившийся министром иностранных дел Л. Райком на пресс-конференции в связи с судом, целью которого было разоблачение происков Ватикана, мог теперь наблюдать за его казнью из окна своей тюремной камеры, что отразил впоследствии в воспоминаниях³⁵.

В дни процесса по делу Райка югославская пресса и агентство ТАНЮГ выступили с опровержением звучавших на нем обвинений в адрес белградского руководства. Так, еще накануне первого заседания суда, 15 сентября, газета «Борба» опубликовала протест 100 ветеранов югославской компартии, находившихся во время гражданской войны в Испании в рядах республиканских войск, по поводу предъявленных в предварительно опубликованном судебном заключении обвинений в адрес югославских лидеров³⁶.

34 Смертные приговоры были вынесены также на проходившем параллельно процессе по делу о заговоре военных.

35 *Mindszenty J. Emlékirataim.* Budapest, 1989.

36 Среди подписантов был и участник событий Венгерской советской республики 1919 г. хорват К. Мразович, действующий посол

То, что М. Ракоши взял на себя инициативу в организации большого судебного процесса, видимо, прибавило ему самоуверенности: амбициозный политик стал претендовать на главную роль в проведении антиюгославской кампании в масштабе всей Восточной Европы, по крайней мере на роль первой скрипки в дирижируемом Сталиным оркестре. С этим связаны и направленные им в Прагу и Варшаву «для информации» лидерам соответствующих партий показания на некоторых видных деятелей этих партий, выбитые из Райка и других подсудимых³⁷. Хотя некоторые из этих показаний были действительно впоследствии востребованы в острой и подчас кровавой внутривнутрипартийной борьбе, вмешательство Ракоши во внутренние дела «братских партий» вызвало в них крайнее раздражение, что заставило венгерского лидера снизить активность.

Вынесение смертных приговоров по делу Райка 24 сентября 1949 г. привело к дальнейшей эскалации напряженности в отношениях между Югославией и странами формирующегося советского блока. Уже 27 сентября Будапешт потребовал от Белграда отзыва 10 членов югославской миссии в течение 24 часов. В конце сентября сначала СССР, а затем и Венгрия, а также другие страны народной демократии расторгли в одностороннем порядке договоры о дружбе и сотрудничестве с Югославией. Белград сразу же выступил с жесткими антисоветскими заявлениями. Международный резонанс имело, например, заявление видного деятеля КПЮ М. Пьяде о том, что нельзя считать свободной страну, экспортирующую виселицы.

В свете процесса по делу Райка прежние обвинения в адрес югославов уже казались Сталину недостаточными. 16–19 ноября 1949 г. в Будапеште состоялось третье (последнее) совещание Коминформа,

Югославии в СССР (а до этого в Венгрии), находившийся в это время в Белграде. В обвинительном акте по «делу Райка» было указано, что он занимался «шпионской провокационной деятельностью в Испании и затем в концлагере», был тесно связан с Райком и позже, организовав (уже в роли посла в Венгрии) тайную встречу Райка с Ранковичем в октябре 1948 г., на которой будто бы обсуждался план вооруженной оккупации Югославией части венгерской территории и «физического уничтожения» отдельных членов венгерского правительства. После этой публикации Мразович был объявлен в СССР персоной нон грата, ему было запрещено возвращение в Москву.

³⁷ В этом списке фигурировал даже временно попавший в опалу виднейший деятель польского коммунистического движения В. Гомулка.

принявшее резолюцию «Компартия Югославии во власти убийц и шпионов». В ней утверждалось, что руководство Югославии установило в стране фашистскую диктатуру и является «наймитом империалистической реакции». Борьба против него была объявлена одной из важнейших задач коммунистических партий и всех «прогрессивных сил» в мире. Ставился даже вопрос о целесообразности создания в Югославии новой, подпольной компартии, которая была бы «революционной и интернационалистической», способной на «решительную борьбу» за освобождение «от ига узурпаторов». После третьего совещания Информбюро в странах советского блока поднялась волна преследований, в каждой из них искали своих «райков». Репрессивные акции против сторонников Коминформа развертывались, в свою очередь, в титовской Югославии.

Вследствие процесса по делу Райка резко возросла напряженность на венгерско-югославской границе, участились инциденты³⁸. Югославы, опасаясь провокаций, пододвинули к границе с Венгрией дополнительные воинские соединения. Венгерское правительство, в свою очередь, попросило СССР увеличить советский воинский контингент, находившийся на территории Венгрии в соответствии с Парижским мирным договором 1947 г. для поддержания коммуникаций с советской зоной оккупации в Австрии, и эта просьба была выполнена. Численность венгерской армии также увеличилась вопреки положениям мирного договора.

Процесс по делу Райка проходил в самый разгар холодной войны, в условиях, когда господствовал принцип «кто не с нами – тот против нас», и западные интеллектуалы были поставлены перед выбором – быть другом (а значит апологетом) или врагом сталинского СССР. Многие симпатизанты коммунистического движения предпочитали закрывать глаза на явные изъяны судебной конструкции, неубедительность организованного политического спектакля, объяснять политическую целесообразность проведенного действия необходимостью разоблачения главного сталинского врага – маршала Тито. Альтернативой такой позиции было – открыто порвать с компартиями, просоветскими движениями, а значит быть объявленным ренегатом. Такой выбор сделал, например, известный венгерский леволиберальный политик граф Михай Каройи, первый премьер-министр

38 См. подробнее: *Кимура К., Стыкалин А. С.* Венгерско-югославские отношения: от «дела Райка» до смерти Сталина (1949–1953 гг.) // *Славянский мир в третьем тысячелетии.* 2018. Вып. 13. № 1–2. С. 98–120.

и президент Венгерской республики в 1918–1919 гг., а с 1947 г. посол новой Венгрии в Париже³⁹.

Таким образом, интенсивное многостороннее сотрудничество с Югославией, наладившееся к весне 1948 г., в течение считанных месяцев уступило место масштабным идеологическим акциям разоблачительной направленности, осуществлявшимся в соответствии с актуальным политическим заказом. Нанесенные при этом югославской стороне психологические травмы оказались настолько тяжелыми, что весьма затруднили процесс взаимного сближения двух коммунистических режимов, начавшийся после смерти Сталина.

Только весной 1953 г. появились реальные предпосылки для поворота в советской политике на югославском направлении, что должно было неминуемо привести и к пересмотру дела Райка. Стремление к смене власти в Белграде продемонстрировало еще при жизни Сталина свою полную несостоятельность. Не удалось также внести раскол в очень проблемное многонациональное югославское общество. Напротив, чем ожесточеннее становилась антиюгославская кампания, тем оно сильнее консолидировалось на основе поддержки власти Тито и его команды, как бы «забыв» на время об острейших межэтнических расприх, происходивших в годы совсем недавно закончившейся Второй мировой войны⁴⁰. Очевидно, и сам Сталин успел при жизни потерять интерес к новому инструменту своей

39 Каройи настойчиво пытался убедить свое правительство в том, что открытый процесс по делу Райка сильно ударит по репутации Венгрии в мире, а когда убедился в бесперспективности своих усилий, подал в отставку с должности посла. В конце августа он еще раз приехал в Будапешт, но услышал лишь циничное предложение Ракоши понаблюдать за процессом с галерки. Второй по своему влиянию человек в ВПТ, Герё, приняв Каройи, не менее цинично ему заявил, что дело, собственно говоря, не в виновности или невиновности Райка, а в том, что югославская схизма представляет угрозу для мирового коммунистического движения и для ее искоренения все средства хороши. Выехав, теперь уже навсегда, во Францию, Каройи 13 октября отправил в Будапешт телеграмму с предложением о повторном слушании дела, но она даже не удостоилась ответа, и леволиберальный по своим убеждениям граф предал ее гласности, после чего режим Ракоши объявил его своим заклятым врагом (Райка же поспешили казнить).

40 Сыграло, несомненно, свою роль и произошедшее на фоне конфликта с СССР ужесточение внутренней политики в отношении реальных и мнимых оппонентов югославского коммунистического режима.

внешней политики, Коминформу, осознав его неэффективность в деле достижения главной цели – искоренения югославского вызова, чреватого опасной для Москвы децентрализацией мирового коммунистического движения⁴¹. Преемники же Сталина уже летом 1953 г. перешли к смене тактики⁴², а к весне 1955 г. усилиями прежде всего Н. С. Хрущева и А. И. Микояна в Москве возобладала линия на более решительное сближение с Югославией в интересах возвращения ее в единый лагерь стран, строящих социализм (на этом пути, оставшемся в дальнейшем неизменным, Москву ждали как видимые успехи, так и серьезные разочарования). Незавидной оказалась судьба коминформовской политэмиграции в СССР и странах народной демократии, включая Венгрию, оказавшейся совершенно не у дел уже к осени 1954 г. Таким образом, вся антититовская кампания, включая процесс по делу Райка, явилась в конечном итоге поражением Сталина, продемонстрировав всему миру его неспособность решить поставленную задачу, важную для сохранения Москвы в качестве единственного центра мирового коммунистического движения.

Процесс пересмотра дела Райка может стать предметом другого исследования. Скажем лишь, что под давлением Москвы, взявшей курс на сближение с Белградом, режим Ракоши уже осенью 1955 г. сначала признал несправедливость прозвучавших на процессе по делу Л. Райка антиюгославских обвинений, а весной 1956 г. реабилитировал самого Райка. На волне XX съезда КПСС его мифологизированный образ стал одним из символов венгерской десталинизации, а торжественное

41 После ноября 1949 г. большие совещания Коминформа не созывались, а после ноября 1950 г. не заседал и его секретариат. Деятельность аппарата Информбюро чем далее, тем более сводилась к выполнению функций второстепенного механизма обеспечения Москвы информацией и к изданию все менее влиятельной газеты «За прочный мир, за народную демократию», вяло пережевывавшей прежние стереотипные обвинения в адрес «предательской клики» Тито.

42 Даже самый последовательный в руководстве страны сторонник сохранения преемственности прежнему курсу, В. М. Молотов, прямо признал на июльском пленуме ЦК КПСС 1953 г., что лобовая атака на Югославию потерпела крах: югославское руководство устояло перед напором, а потому необходимо отказываться от прежней, не оправдавшей себя тактики и восстанавливать нормальные отношения с Югославией на уровне стандартных контактов с «буржуазным государством». См. подробно: *Едемский А. Б.* От конфликта к нормализации. Советско-югославские отношения в 1953–1956 годах. М., 2008. Глава I.

перезахоронение останков Л. Райка и казненных вместе с ним коммунистов 6 октября (когда многие тысячи людей вышли на улицы, почувствовав в себе достаточно сил для открытого сопротивления диктатуре) по сути явилось прологом венгерской революции, потрясшей сами основы коммунистической власти.

Для Яноша Кадара, в 1954 г. вышедшего на свободу после 3-летнего пребывания в заключении по сходному ложному обвинению, а в ноябре 1956 г. поставленного волею Москвы во главе Венгрии после подавления антитоталитарной национальной революции, причастность к делу Райка до конца жизни оставалась несмываемым черным пятном в биографии. И это несмотря на то, что его реальная роль в организации процесса (хотя он занимал недолго пост министра внутренних дел) не была велика: Ракоши вообще предпочел отправить Кадара в отпуск в самые ответственные недели выстраивания всей обвинительной конструкции, поскольку Кадар слишком хорошо знал Райка по коммунистическому подполью (куда лучше, нежели находившиеся в годы Второй мировой войны в Москве венгерские политэмигранты-коминтерновцы), и при всей лояльности Кадара это могло только «подрезать крылья» устроителям процесса, осложнить фабрикацию громкого дела, основанного на массе совершенно неправдоподобных обвинений. С обращением Кадара в 1960-е гг. к экономическим реформам, амнистией участников революции 1956 г., некоторой либерализацией культурной жизни, а также поворотом к более открытой политике в отношении Запада любое напоминание о причастности венгерского лидера к делу Райка (не только официально реабилитированного, но и занявшего свое место в пантеоне уважаемых властями деятелей венгерского коммунистического движения) способно было ослабить растущую общественную поддержку проводимого курса и повредить складывавшейся в мире репутации Кадара как жесткого, но склонного к некоторым реформам коммунистического политика. Магнитофонная запись суда по делу Райка была уничтожена еще в 1961 г., а публикуемая ниже фонограмма допроса от 7 июня 1949 г. с участием Кадара хранилась «за семью печатями». Правда, 21 июля 1956 г., когда на партийном пленуме, отстранившем Ракоши от власти, обсуждался отчет комиссии по расследованию деятельности Фаркаша, Кадар был вынужден самокритично признать свою роль в организации процесса по делу Райка: «Что касается нарушений законности, то в этом я был не только жертвой, но и орудием. Я никогда не отказывался, не отказываюсь и впредь не намерен

отказываться от вины, которая лежит на мне в связи с делом Райка. Когда дело готовилось, я был членом всех органов партии, ведавших вопросами госбезопасности, к тому же я был тогда министром внутренних дел, и, хотя только на начальной стадии, не слишком долго, но все же, пока товарищ Ракоши полностью доверял мне, делом Райка я занимался. Вместе с Михаем Фаркашем я также участвовал в одном из допросов Райка и также способствовал тому, чтобы остальные члены Комиссии по госбезопасности [...] укрепились в своих подозрениях о виновности Райка»⁴³.

Биографы Яноша Кадара, скончавшегося в июле 1989 г., в самый разгар коренных внутривластных перемен в его стране, ознаменовавших собой не просто бескровное падение коммунистического режима, а скорее плавное перерастание его в иное качество (ставшее возможным во многом благодаря Кадару), знают, что его до последних дней терзали мучительные воспоминания о самых темных страницах истории своей жизни, о наименее благовидных эпизодах в собственной политической карьере, включая «дело Ласло Райка» 1949 г. и «дело Имре Надя» 1958 г. Достаточно вспомнить его крайне сумбурную и эмоциональную последнюю публичную речь, произнесенную за 3 месяца до кончины, 12 апреля 1989 г., когда находившийся уже на грани безумия 77-летний политик, управлявший страной в разное время разными методами более 30 лет, пытался объяснить молодым соратникам, в каком жестоком и полном противоречий мире ему приходилось жить, действовать и принимать те или иные важные для страны решения, не застраховываясь от ошибок и неверных шагов⁴⁴. При этом он ни на йоту не изменил своим коммунистическим убеждениям: как и в 1949 г. во время допроса Райка, в 1989 г., через 40 лет, в совсем других политических условиях, Партия являлась для него единственной святыней, источником и носителем конечной истины, а соблюдение ее интересов – главной ценностью для любого, кто связал себя с движением, которому была отдана жизнь. Это оставалось стержнем мировоззрения Яноша Кадара, без которого теряло бы смысл все сделанное им на длинном жизненном пути. Судя по фонограмме допроса, таковой же ценностью Партия была и для Ласло Райка – по сути даже в момент, когда петля уже затягивалась на его шее.

43 Советский Союз и венгерский кризис... С. 166–167.

44 См.: Последняя речь Яноша Кадара / публ. О. Якименко // Неприкосновенный запас. 2015. № 4. С. 141–159.

Перевод документа, предлагаемого вниманию русскоязычного читателя, выполнен Ю. П. Гусевым по венгерской журнальной публикации расшифровки магнитофонной записи (журнал *História*, 1995, № 7). Вступительная статья, публикация и примечания А. С. Стыкалина.

Фонограмма допроса Ласло Райка с участием Яноша Кадара и Михая Фаркаша⁴⁵

7 июня 1949 г.

К. (Янош Кадар): У тебя есть что сказать?

Р.: (Ласло Райк): Есть. Я хотел бы прояснить, какова точка зрения, потому что...

К.: Для нас у тебя есть что сказать?

Р.: У меня – у меня есть что сказать.

К.: Мы пришли сюда для того, чтобы дать тебе возможность последний раз в твоей жизни поговорить с Партией. У меня для тебя мало времени, учти это, а теперь говори, что хотел.

Р.: Я коротко одно только могу сказать: что я всегда твердо, незыблемо верил и верю Партии. Те показания, которые тут прозвучали против меня, с которыми меня четверть часа назад ознакомили, от начала и до конца отборная клевета. В них ничего не соответствует действительности, ничего не соответствует.

К.: Какие показания?

Р.: Показания Череснеша, Боарова и Сёни⁴⁶. Что я – шеф американского информационного агентства, что Сёни получил приказ связаться со мной и в дальнейшем получать от меня указания...

⁴⁵ Янош Кадар (1912–1989) занимал в это время пост министра внутренних дел, а Михай Фаркаш (1904–1965) – министра обороны Венгрии. Оба входили в политбюро центрального руководства ВПТ, Фаркаш входил и в узкое (неформальное) руководство страны и партии, будучи третьим по своему реальному влиянию человеком после М. Ракоши и Э. Герё. В отличие от Я. Кадара, активиста коммунистического подполья в хортистской Венгрии, Фаркаш относился к венгерской политэмиграции в Москве, жил долгое время в СССР, работал в структурах Коминтерна, вернулся на родину в ноябре 1944 г. вместе с наступавшей Красной армией.

⁴⁶ Как отмечалось выше, против Л. Райка в ходе судебного процесса были использованы показания венгерских партийных функционеров Т. Сёни и Ш. Череснеша, также осужденных по делу Райка. Был использован и реально произошедший инцидент с югославским дипломатом

Ф. (Михай Фаркаш): Ты это хочешь сказать Партии?

Р.: Нет, но Янош тут спрашивал, про какие я говорю показания.

Ф.: Ты это хочешь сказать Партии?

Р.: Я хочу сказать Партии, что был честным партийцем, преданным ей. Что у меня не было никаких тайных связей ни с какими чуждыми силами. И если мне надо вытерпеть до конца эту процедуру, и все, что в показаниях говорится, и мне вынесут приговор, то все равно, какой это будет приговор, потому что его вынесут преданному Партии, невиновному человеку. Другого сказать не могу. Само собой, я все взвешиваю, я знаю, у этого дела есть и международный отклик. Это единственная дилемма, перед которой я стою.

Ф.: Какой еще международный отклик?

Р.: Ну, я думаю, международная печать писала, во всяком случае мне так говорят, что я под арестом, и всякое такое. Это единственная дилемма, потому что если это попало в международную прессу, что я арестован по подозрению в шпионаже, тогда, конечно, налицо определенная ситуация, и я должен взвешивать, в чем интересы Партии, чтобы Партия не оказалась в трудном положении, как она фигурирует в этом деле. Я одно могу сказать: это не в интересах Партии, чтобы я предпринимал какие-нибудь шаги, и не думаю, что это было бы в ее интересах, если человек примет мучения из-за всякого вранья, ведь тогда, значит, все, что здесь происходит, происходит с невиновным и преданным Партии человеком. Потому что в том, что я с кем-то когда-то поддерживал какие-то связи, ни слова правды нет, и я очень удивляюсь этому, ведь и здесь, в Госбезопасности, в конце концов работают ответственные партийные товарищи. Они и должны рассудить, насколько по доброй воле Сёни и прочие дали те показания; или они их дали не по доброй воле.

Ф.: Ты это хочешь сказать Партии?

К.: Теперь давай я скажу тебе кое-что. Во-первых: Партия всю твою жизнь, с той минуты, когда ты сделал первый шаг в рабочем движении, и до вот этого самого часа, когда мы тут с тобой разговариваем, знает точно (sic!). Это первое. Во-вторых: Партия знает твою деятельность, все твои поступки, какими бы они ни были. Это второе. В-третьих: мы внимательно следим за сказками, которые ты все время, пока ты здесь, рассказываешь. Это третье. В-четвертых: ты хорошо знаешь руководство нашей Партии.

Ж. Боаровым, который 10 июля 1948 г. в ходе конфликта застрелил активиста Демократического союза южных славян Венгрии, поддержавшего антиюгославскую резолюцию Информбюро.

Р.: Знаю, да.

К.: Знаешь и действия нашего партийного руководства.

Р.: Хорошо знаю, да.

К.: Знаешь. Тебе известно, из кого и из чего состоит наше руководство.

Р.: Известно.

К.: И ты можешь допустить, что руководство нашей Партии поверит тому, что ты тут целую неделю сочиняешь? Можешь допустить?

Р.: Но я же пока...

К.: Можешь допустить?

Р.: Я одно только могу сказать...

К.: Ответь на вопрос. Можешь допустить?

Р.: Я верил и верю Партии.

К.: И что она проглотит, что ты тут мелешь целую неделю?

Р.: Я верил партии и сейчас верю. Я никакого отношения не имею к этим обвинениям...

К.: Постой. Так ты допускаешь, что руководство Партии всерьез поверит твоим сказкам?

Р.: Прошу прощения, то, что я говорю, не сказки.

К.: Допускаешь или не допускаешь?

Р.: Должен допустить, потому что я говорю правду.

К.: Что руководство Партии примет всерьез сказки, которые ты рассказываешь.

Р.: Должно принять всерьез, потому что я говорю чистую правду.

К.: Ты говоришь, что ты честный партиец. Как ты думаешь, почему в августе прошлого года Партия приняла решение отстранить тебя от внутренних дел? Потому что ты был честным партийцем?

Р.: Я думаю, потому, что...

К.: Потому, что ты был честным партийцем?

Р.: Я совершил в Министерстве внутренних дел такие ошибки, из-за которых меня нельзя было там больше оставлять.

К.: Скажи-ка, тебе известно, что в августе прошлого года руководство нашей Партии предоставило тебе последнюю возможность показать, что ты можешь быть и честным человеком? Известно тебе это?

Р.: Известно, да.

К.: Тогда чего ты мне тут твердишь, что ты честный человек?

Р.: Я не сделал против Партии ничего такого, что можно считать предательством Партии, сознательным предательством...

Ф.: Что это такое? Это достойное коммуниста поведение?

Р.: Это не достойное коммуниста поведение, мне приходится расплачиваться за то, что я проявил такую политическую слепоту,

но насчет того, что я все делал сознательно, что я провокатор, империалистический агент, это не получается.

К.: Ладно. Послушай меня! Я уже сказал, у нас времени мало, так что я одно скажу. Ты – не наш человек, ты – враг. Это заруби себе на носу!

Р.: Я вас очень прошу...

К.: Только брось эту улыбочку, тут тебе...

Р.: Я не улыбаюсь, я вас только прошу, не делайте трагической ошибки.

К.: Постой! Заруби себе на носу: ты не наш человек, ты враг. Вот это заруби себе на носу! Во-вторых: чтоб у тебя не было никаких иллюзий, руководство нашей Партии абсолютно едино в этом вопросе. Ты понял меня?

Р.: Понял.

К.: Здесь вопрос для нас в следующем: ты всего лишь несчастный недотепа, который стал жертвой врага, или с той самой минуты, как ты сделал первый шаг в рабочем движении, ты сознательный, упрямый, закоренелый враг нашего движения? Это – единственный вопрос, и на него ты должен ответить своим поведением. Ты понял это?

Р.: Я понял, что это позиция партийного руководства, и я только одно могу сказать, я могу сказать, что из двух способов предательства, из двух предположений ни одно не отвечает истине. Я никогда не был закоренелым врагом партии и не попадал в сети неприятеля, чтобы он использовал меня против Партии, для предательства Партии, для нападения на Партию из-за угла.

Ф.: Послушай, Райк! Когда ты пришел в рабочее движение, тебе сколько лет было?

Р.: Двадцать один год исполнился.

Ф.: Опыта у тебя не было?

Р.: Не было.

Ф.: Ты был молодой парень, студент⁴⁷. В том кругу студентов, где ты вращался, это был националистический круг.

Р.: ...тоже был один коммунист.

Ф.: Это была группа националистически настроенных студентов. Уже тогда известна была твоя националистическая позиция. Можно

47 С 1929 г. Райк учился на филолога в будапештском Католическом университете имени Петера Пазманя, сблизившись в это время с коммунистическим движением.

предположить, что тебя, человека неопытного, почти мальчишку, полиция завербовала через Штольте⁴⁸, и это сопровождало тебя всю жизнь. Ты врос в эту роль. Изредка, время от времени ты пытался вырваться. Порвать с ними. Когда увидел потом, во что ты вляпался по молодости. Но тебе это не удалось, силенок не хватило. Полиция, потом американцы все крепче держали тебя в руках. Одним словом, ты был или таким агентом врага, или с самого начала – сознательным врагом.

Р.: Видите ли, я одно могу сказать...

Ф.: Слушай меня! Мы пришли сюда. Ты ведь сам об этом просил, ты говорил, что хотел бы, если найдется такая возможность, поговорить с руководством Партии.

Р.: Да. Просил.

Ф.: Вот мы и пришли. Ты начал с того, что ты – честный человек. И первое же твое слово – ложь.

Р.: Те первые слова не были ложью.

Ф.: Вспомни, что ты писал в первом письме товарищу Ракоши. Ты нас обвинял в том...

Р.: Вовсе не вас.

Ф.: Обвинял нас в том, что против тебя ополчились проникшие в Партию американские агенты. Эти свои слова ты уже взял обратно. Каждое твое письмо опровергает другое. В каждом письме ты лжешь от начала до конца. Здесь тебя уже поймали не на одной лжи. Не на одной лжи.

Р.: На двух.

Ф.: И когда петля уже затягивается на твоей шее, тогда ты [...] там, от чего уже нельзя отказаться, это и есть ты. Но ты и тут лжешь. В сущности, из того, что ты уже сказал, ясно: ты троцкист, ясно, что ты националист, и теперь остается вопрос, который надо прояснить... Берегись, Райк, ты ведь хочешь заставить нас ловить в темной комнате черную кошку, которой там вовсе и нет! Берегись,

48 Речь идет о друге юности Ласло Райка Иштване Штольте (1910–1991), участнике венгерского коммунистического движения начала 1930-х гг., в дальнейшем отошедшем от движения и сблизившемся с правыми политическими силами. В 1949 г., арестованный советскими спецслужбами в Вене, Штольте был доставлен в Будапешт, его свидетельские показания были использованы на процессе по делу Райка. В 1950 г. осужден венгерским судом, после освобождения из заключения в дни революции осенью 1956 г. эмигрировал.

не заставляй нас ловить черную кошку в темной комнате... Теперь речь о том, что в молодости, когда ты еще был неопытным, тебя завербовали и использовали, и ты не знал, куда это заведет. Или ты с самого начала был сознательным врагом Партии. Ни о чем другом спорить нет необходимости.

Р.: Видите ли, меня все-таки поражает такая позиция. Ведь очевидно, что если такая позиция в партийном руководстве сложилась единогласно [...] или другой вариант, значит, у меня нет другой возможности, кроме как закончить жизнь. И еще вы говорите, у вас мало времени. Я знаю, у вас огромное количество работы, вы люди занятые, но здесь ведь о человеческой жизни идет речь, и я опять с поднятой головой могу лишь сказать, что спокойно посмотрю в глаза кому угодно, что все это строится на ложной теории, будто меня завербовал Штольте и я с тех пор не могу вырваться. Моя партийная преданность Партии, товарищи, такая кристально чистая, сколько бы я ошибок ни допустил. Скажем, кое-где я впадал в идеологические заблуждения или путаницу...

Ф.: Оставим идеологию в покое. Ты троцкист, и поддерживал троцкистов, поддерживал провокаторов. Это что, коммунистическое поведение?

Р.: Нет.

Ф.: Тогда зачем говорить, что ты коммунист?

Р.: Правда, иногда это случалось, но откуда мне было знать, что я поддерживаю троцкистов?

Ф.: Ты не знал?

Р.: Откуда я мог знать?

К.: Райк, послушай-ка...

Р.: Но мне никто никаких указаний не давал...

К.: Райк, ты ошибаешься <...> Для нас тут стоит гораздо более важный вопрос. Гораздо более важный. Вопрос стоит о нашей Партии.

Р.: Для меня тоже.

К.: И вопрос стоит о рабочем классе, о венгерском народе. Это первое. И второе, Райк. Тот вред, который ты в своей жизни причинил венгерскому рабочему движению, не искупить, даже если бы у тебя было десять жизней.

Р.: Чем же я причинил вред?

К.: И ты еще после этого говоришь, что ты честный человек?

Р.: Чем причинил? Чем я причинил этот вред?

К.: Я еще одно хочу тебе сказать. Не считай нас круглыми идиотами!

Р.: Я просто абсолютно...

К.: Скажи, Райк, с того момента, как ты навязал Штольте Карою Олту⁴⁹, бедняге, везде, где бы ты ни был в своей жизни, в Партии начиналась неразбериха, ты везде вносил в Партию дезорганизацию. И так шло до освобождения⁵⁰. А после освобождения ты внедрял врагов в Министерство внутренних дел, которое наша Партия отвоевала в кровопролитной борьбе⁵¹. Ты спровоцировал борьбу между Министерством внутренних дел и Госбезопасностью⁵², ты обострял эту борьбу, ты и в НЕКОС⁵³ пролез, ты повернул НЕКОС против Партии. Куда бы ты ни ступал в своей жизни, для Партии это всегда оборачивалось проклятием и позором. И у тебя еще есть совесть, у тебя хватает совести говорить, что ты честный человек? Я мог бы долго перечислять людей, которых ты внедрил в Партию.

49 Карой Олт (1904–1985) – участник подпольного коммунистического движения в хортистской Венгрии. В 1947–1956 гг. занимал ответственные государственные должности в послевоенной Венгрии, не подвергаясь в это время арестам и обвинениям.

50 Речь идет об освобождении Венгрии от нацистской оккупации и собственного крайне правого режима зимой 1944–1945 гг.

51 Для компартии, проигравшей парламентские выборы ноября 1945 г. Партии мелких хозяев, ключевым вопросом было удержание своего представителя на посту министра внутренних дел, дававшем наибольшие возможности использования государственных административных ресурсов для влияния в своих интересах на внутривластную жизнь.

52 Речь по сути идет о столкновении амбиций двух деятелей компартии, стоявших во главе силовых структур в послевоенной Венгрии, – министра внутренних дел Ласло Райка и шефа политической полиции (АВН) Габора Петера (1906–1993), арестованного в начале 1953 г. в ходе подготовки так и не состоявшегося судебного процесса антисоциалистской направленности (его показания 1954–1956 гг. сыграли впоследствии немалую роль в прояснении непосредственного участия Ракоши в подготовке дела Райка). Организатор массовых репрессий Г. Петер, освобожденный из заключения по амнистии в 1959 г., так и не был реабилитирован, в отличие от Л. Райка.

53 НЕКОС (Движение народных коллегий) – очень заметное в Венгрии второй половины 1940-х гг. левое движение студенчества и молодой интеллигенции, за влияние на которое конкурировали как коммунисты, так и народники, выступавшие под лозунгами особого пути Венгрии к социализму. Распущено в конце 1940-х гг. Л. Райк действительно на определенном этапе пытался сделать НЕКОС одной из опор своего влияния на молодую левую интеллигенцию.

Всегда, и в подполье, и в период освобождения, это были провокаторы, международные шпионы. Назови мне хоть одного человека, которого бы ты ввел в коммунистическое движение и который принес бы нашему движению славу. И после этого скажи, был ли ты честным человеком.

Р.: Забастовка строительных рабочих⁵⁴, я думаю, не была...

К.: Назови хоть одного, кого ты привел в Партию и кто был честным человеком.

Ф.: О забастовке строителей мы еще поговорим.

К.: Назови же! Потому что я могу назвать тебе 20 провокаторов, которых ты протащил в Партию. А ты назови одного честного человека.

Ф.: Это показывает, какой ты закоренелый враг Партии.

К.: Скажи, что ты душевнобольной. Скажи, что не мог выбраться из вражеских лап, скажи что-нибудь разумное, что мы могли бы повторить, придя домой, и нам бы поверили и не засмеялись в глаза. В Испании ты развалил парторганизацию. В 32-м распалось студенческое движение, вы его уничтожили. Где бы ты ни оказывался, везде было одно и то же. А вспомни того мошенника, того провокатора, который уже сюда вернулся провокатором откуда-то из Южной Америки и подключил сюда испанцев⁵⁵. Ты передал его Партии, сам уехал в провинцию, а через испанцев были разгромлены все профсоюзные группы. И так было везде, где ты появлялся. И после этого ты говоришь, что ты честный человек.

Р.: Я серьезно говорю, такое...

К.: Так было или не так?

Р.: Но прошу прощения...

Ф.: Отвечай на вопрос! Нечего тут прощения просить! У тебя сил не хватает? За девятнадцать лет не накопил честности, чтобы сказать, мол, видите ли, да, я ошибался, не знал, что за всем этим стоит, меня завербовали, я тысячу, сто раз пожалел об этом, я не знал [...] признайся хоть в чем-нибудь перед Партией. Но ты же ну ничего на свете не желаешь за собой признать! Даже того, что уже занесено в протокол. Даже этого не хочешь признать. И начинаешь все с начала.

54 Речь идет об одной из протестных акций, организованных коммунистами в условиях режима Хорти.

55 Имеются в виду венгры, участвовавшие в гражданской войне в Испании в составе интербригад.

К.: Положи руку на сердце! Разве Партия не на руках тебя носила? Скажи, не на руках она тебя носила?

Р.: На руках.

К.: Скажи, о чем-нибудь мог ты еще мечтать, чего еще не достиг? И что тебе дала Партия. Ты был заместитель генерального секретаря Партии. Членом Секретариата. Был одним из первых людей государства. Партия же тебя на руках носила! Была тебе защитой в воде и в огне. Ошибки твои защищала. Неужто у тебя не хватает совести искренне признать перед Партией все, что ты делал? Неужели у тебя не хватает на это совести?

Р.: Видите ли, я здесь в такой ситуации, что просто потому не могу отвечать, потому онемел, что таким...

К.: Так говори же! Ты привел Штольте на квартиру Олта, когда Олт еще не был знаком с Штольте? Ты привел?

Р.: Ну, скажем, я привел.

К.: Никаких «ну скажем»! Привел или не привел?

Р.: Ну если Олт говорит, что привел, значит...

К.: Не Олт, а ты что скажешь?

Р.: Ну, привел.

К.: Гейера ты связал с Партией⁵⁶?

Р.: Я связал.

К.: А на другой день уехал?

Р.: Уехал по указанию Партии.

К.: Уехал на другой день?

Р.: По указанию Партии.

К.: Кто дал тебе такое указание?

Р.: Гач.

К.: А кто дал указание ввести в Партию Гейера?

Р.: На это было партийное решение.

К.: Где было партийное решение?

Р.: Так ведь он был нашим партуполномоченным в этом, в Верне⁵⁷.

Я имею в виду, Гач.

К.: И он решил, чтобы ты ввел Гейера?

Р.: ...

К.: А зачем ты Саса хотел навязать Партии и Госбезопасности?

⁵⁶ Здесь и далее упомянуты участники коммунистического движения, позже заподозренные в том, что были провокаторами. Некоторые из них стали жертвами репрессий режима Ракоши.

⁵⁷ Смысл слова, прозвучавшего в магнитофонной записи, не ясен.

Зачем навязал Партии Майерхоффера? Зачем навязал ей Череснеша?.. Я долго мог бы еще продолжать. Объясни, зачем? Зачем распустил наши партийные ячейки в полиции? Ну зачем?

Ф.: Видишь ли, Райк, бывает, конечно, что ошибешься с одним человеком. Бывает. Но ты регулярно приводишь в партию одних провокаторов и троцкистов, ты себя окружаешь ими, и это уже не случайность. Это уже сознательная политика.

Р.: Я вас вот о чем прошу...

К.: А кто покровительствовал НЕКОСу, не имея на то поручения Партии? Скажи! Кто покровительствовал НЕКОСу?

Р.: Я.

К.: Было у тебя на это поручение Партии?

Р.: Не было.

К.: И какой был результат твоей работы? Ты поддерживал НЕКОС без партийного поручения. Какой был результат?

Р.: Я не поддерживал НЕКОС без поручения Партии.

К.: Какой был...

Ф.: Ты поддерживал его без партийного поручения.

Р.: Я только помогал ему в хозяйственном плане.

К.: А кто беседовал с некосистами целыми ночами?

Р.: Я...

К.: Кто инструктировал некосистов?

Р.: Я беседовал с ними ночами?

Ф.: Почему в НЕКОСе были антипартийные настроения? Почему НЕКОС был настроен против Ракоши? Почему? Антирабочие настроения. Народнические, экономистские настроения. Кто был [...] руководителем НЕКОСа? Ты был, Райк. Ты насаждал в НЕКОСе антирабочие, антипартийные, антиракошистские, националистические настроения. Видишь, какой ты закоренелый враг Партии?

К.: А кто в МВД раздувал настроения против Партии и Госбезопасности? Кто вел борьбу против Партии и Госбезопасности? Ты честный человек. Скажи, кто вел эту борьбу?

Р.: Я против Партии никогда никакой борьбы не вел. А того, что у меня с Госбезопасностью были серьезные разногласия, я ни минуты не отрицаю.

К.: Не сужай вопрос, Райк, не сужай! В МВД под твоим руководством обосновалась шайка авантюристов, вражеская организация. Сначала они хотели захватить Госбезопасность, а потом, когда из этого ничего не вышло, попытались ее парализовать. Об этом ты ничего не знаешь?

Ф.: Саса ты зачем хотел внедрить в... Кто был этот Сас⁵⁸?

Р.: Про Саса могу сказать, что в самом деле рекомендовал его Ковачу⁵⁹. Ковач посмотрел на него и сказал, что...

Ф.: Зачем ты его рекомендовал?

Р.: Дай договорить.

Ф.: Зачем ты его рекомендовал?

Р.: Дай мне...

Ф.: Все-таки – зачем ты его рекомендовал?

Р.: Потому что думал, он человек порядочный, подходящий.

Ф.: Почему ты так думал? Ты его проверял?

Р.: Я для того и передал его Ковачу, чтобы тот проверил.

Ф.: Ты рекомендовал его Ковачу?

Р.: Я рекомендовал его Ковачу, чтобы он посмотрел, подходит он или нет. А Ковач сказал, что, по его мнению, не подходит, что хорошо бы послать его под наблюдение в МИД. Оттуда, может, мы бы его за границу устроили. Так он попал в МИД, я его сам выставил.

Ф.: Выставил, потому что Реваи потребовал⁶⁰.

Р.: Прошу прощения, Реваи не требовал. Реваи вообще ничего не требовал. Он удивился, почему я прошу, чтобы его убрали оттуда.

К.: Скажи, Райк, почему ты любишь ссылаться на умерших⁶¹?

Р.: Я не на умерших ссылаюсь, этот факт в Отделе госбезопасности многим известен, кто работал с Ковачем.

К.: Известен, но не так, как ты рассказал. Ты несколько недель добивался, чтобы Сас туда попал.

Р.: Хочу сказать несколько слов, если разрешите.

К.: Пожалуйста!

Р.: Жаль, что у вас нет времени, во всяком случае мне нужно иметь в виду, что у вас нет времени. Я, разумеется, за такое короткое время не могу объяснить, почему не соответствует фактам та точка зрения, которую вы мне сообщили, и нет нужды объяснять, что факт, из которого вы исходите, это недоразумение, будто я проник в Партию как замаскированный агент враждебной империалистической

58 Имеется в виду упоминавшийся выше Бела Сас, автор известной книги «Без всякого принуждения».

59 Речь идет о полковнике Яноше Коваче, заместителе Габора Петера по руководству политической полицией.

60 Йозеф Реваи (1898–1959) был главным идеологом венгерской компартии, членом ее узкого руководства.

61 Я. Ковача к этому времени уже не было в живых.

державы. Сейчас все равно, в том или ином варианте. Очевидно, вы основательно изучили мою партийную биографию. Очевидно и то, что прежде чем руководство нашей Партии приняло такое серьезное решение – подвергнуть меня аресту, то изучило не только мою партийную биографию, но посмотрело и другие вопросы. Каждый отдельный факт, который вы тут упоминали, это, действительно, сам по себе факт реальный. Действительно соответствует правде то, что в рабочее движение меня привел Штольте, и что Штольте был полицейский агент. То, что произошло в Испании, и о чем вы знаете, тоже реальный факт⁶². Но почему Райк развалил, почему не Хааш?..

К.: Потому что инициатива исходила от тебя.

Р.: Да, но нужно еще посмотреть, почему она исходила от меня.

К.: У тебя не было никаких причин проявлять такую инициативу.

Р.: Ну да, причин, конечно...

К.: Никаких причин не было.

Р.: Испания слишком далеко.

К.: Была слишком далеко. Причина у тебя имелаась. Тебе не нравилось, что в парторганизации нет склок и раздоров, а ты привык, что они всегда разгораются вокруг тебя. Поэтому ты и повел дело к развалу.

Р.: Ну а перед Испанией была вся эта забастовка строительных рабочих. И если я тайный вражеский агент, то, не хочу перечислять все подряд, зачем понадобилось врагу интернировать меня в 41-м, в самый критический момент?

К.: Да, это тоже интересно...

Р.: И до самого конца держать в лагере...

К.: Затем, чтобы сохранить тебя на будущее.

Р.: А если бы я...

Ф.: Нам методы империалистов известны.

Р.: Я в самом деле вижу, что сложилась сильная, единая точка зрения, будто я был агентом империалистов...

К.: Райк, объясни нам свою жизнь! В этом твоя задача. Объясни нам свою жизнь, а не нашу точку зрения, мы ее и так знаем. Объясни сам!

Р.: Такая единая точка зрения сложилась против меня...

К.: Послушай, Райк! Мне бы очень хотелось, чтобы ты понял, что тебе, Партии [...] Вторая вещь, хорошо это пойми, что у тебя сейчас последняя возможность, не для того, чтобы ты нам тут байки

⁶² Речь идет о проникновении агентов различных спецслужб в сражавшиеся в Испании интербригады, где было много венгров.

рассказывал, байки твои мы слушать не будем, а чтобы ты, положи руку на сердце, прошел бы по своей жизни ступень за ступенью, почему было так, как было. Понимаешь? Потому что в этом случае и для нас, и для тебя останется маленький шанс считать, что тебя загнали в угол в безвыходном положении, или играя на твоём непомерном честолюбии, или на тщеславии, или я уж не знаю на чем. Понимаешь? Мы знаем, что ты не родился негодяем. Мы это знаем. И я знаю и еще раз говорю тебе, что Партия наша носила тебя на руках.

Р.: Вы даже на минуту не можете предположить, что меня никто не загонял в угол и никто мной не управлял?

К.: Мы это предполагаем, что ты не был загнан в угол. Но это значит, что ты 18-летним парнишкой добровольно вступил в армию врага. Для тебя это еще хуже.

Р.: Тогда, значит, остается, что меня или загнали в угол, или я сознательно нахожусь во вражеском лагере.

Ф.: Именно. Другого не дано. Ты прав.

Р.: Другого не дано?

Ф.: Нет.

Р.: А вы не можете допустить, чтобы человек не относился ни к первому лагерю, ни к другой категории, а просто допускал ошибки?

Ф.: Это мы уже прошли. Это уже позади, Райк.

К.: В прошлом году, в начале августа⁶³, мы предполагали именно этот, третий вариант. Партия тогда приняла такое решение именно потому, что мы предполагали третье. Что ты просто допустил ошибки. Тяжелые ошибки, но ошибки. Это было в августе прошлого года. Теперь у нас нет никаких причин держаться за этот третий вариант.

Р.: А вы не думаете, что с августа прошлого года... Замечу, что я этого не знал, этого вы мне не сказали...

К.: С тех пор мы стали умнее.

Р.: Вы не сообщили мне, какое мнение сложилось в отношении меня.

К.: Вспомни: когда мы были на квартире у товарища Ракоши и разговаривали с ним...

Р.: Я помню.

Ф.: Я тоже, и, думаю, товарищ Ракоши тоже сказал, что твоя отставка из МВД – в этом секретарь Партии стоит выше тебя.

Р.: Это я знаю, это я принял буквально и проанализировал про себя.

Ф.: И мы тогда еще сказали, и товарищ Ракоши тогда об этом говорил, и Герё об этом говорил, и я об этом говорил, и, кажется,

63 При освобождении Райка от поста министра внутренних дел.

Кадар тоже, мы все говорили, что у тебя имеет место антисоветская позиция.

К.: И сказали, что враг находится в МВД (?).

Ф.: И мы тебе уже тогда сказали заранее, товарищ Ракоши тебе достаточно говорил, во всем, что ты создаешь между МВД и Госбезопасностью, кроется вражеская рука.

Р.: Значит, значит...

Ф.: Все это мы тебе тогда сказали.

Р.: С тех пор около года прошло. Около года. 10 месяцев. За эти десять месяцев во всем Министерстве иностранных дел, именно исходя из опыта МВД, с честью и... (*говорит тихо, неразборчиво*).

Ф.: Еще бы, ты сразу же захотел организовать под крышей МИДа шпионскую сеть, иностранную разведку.

К.: Это было твое первое предложение, когда ты пришел в себя. Твоим первым предложением был план, чтобы и Госбезопасность, и Военно-политический отдел остановили свою деятельность за рубежом. И чтобы ты руководил ею из МИДа. Знаешь, чей это был план, чья это была система? Это у нас есть в письменном виде – только с более ранней датой. Более ранней. Знаешь, чья это была система? Ну-ка, попробуй вспомнить!

Р.: Не знаю, чья это была система, но о том, чтобы...

К.: Но ты все-таки подумай, постарайся угадать!

Р.: О том, чтобы я ей руководил, и речи не было. Речь шла только о том... да ведь там был Фаркаш...

К.: Тогда кому ты толковал все время, мол, зачем отдельный человек в Госбезопасности, да зачем отдельный человек в Военполите, зачем МИДу действовать по своей отдельной линии? Давайте объединим все три линии вместе. Кому ты это объяснял?

Р.: Ревесу⁶⁴, Фаркашу один раз...

Ф.: Ну хватит уже! Хватит, хватит!

К.: Это и было твое первое предложение, когда ты немного очухался в МИДе, и ничего больше. Разве это главная задача министра иностранных дел?!

Ф.: Разработал этот план кто-нибудь (sic)? Разработал кто-нибудь? Да или нет?

Р.: Знаете ли, я одно могу сказать...

64 Речь идет о генерале Г. Ревесе, в то время курировавшем военно-политическую работу в министерстве обороны. В 1960–1963 гг. он был послом в Москве.

К.: Мы сами тебе скажем: это ты тогда придумал сам.

Р.: То, что я тогда говорил, я, конечно, придумал сам.

К.: Мы тебе скажем, кому ты дал указание разработать этот план.

Р.: Кому я дал указание?

К.: Гораздо раньше.

Р.: Кому я дал указание?

К.: Вот подумай и скажи!

Р.: Никому я никакого указания не давал. Только это я и могу сказать.

Ф.: Одним словом, у Райка такая точка зрения, что это мы допустили ошибку, что это Партия допустила ошибку, когда дала указание, чтобы [...] (непонятно). Это его точка зрения.

Р.: Нет, моя точка зрения – что...

Ф.: Правильно, что [...] (*слишком громко, ничего невозможно понять*).

Р.: Правильно.

Ф.: Почему правильно?

Р.: Потому правильно, что задним числом насчет всех этих внутренних дел выясняются такие вещи, которыми я наносил вред классу, наносил вред Партии. И еще потому...

Ф.: Всего десять минут назад ты спрашивал у товарища Кадара, в чем заключался нанесенный тобой вред. Теперь ты сам говоришь, что наносил вред.

Р.: Я не так...

Ф.: Очень даже так!

Р.: Я не так поставил вопрос. Я наносил вред Партии той политикой, которую проводил в МВД. А о том, честно говоря, я даже думать не смел, что нахожусь под арестом потому, что меня подозревают в сотрудничестве с империализмом, в том, что я империалистический шпион. Я даже думать не смел, что в отношении меня существует такой кризис доверия. Даже не кризис, а такое сложившееся и твердое мнение в руководстве Партии...

К.: Послушай, ты ведь не глупый человек.

Р.: Никогда не считал себя глупым.

К.: Ведь в прошлом году, когда было это рабочее совещание... (очень тихо) ты тогда очень много на эту тему говорил. Ты человек не глупый. Ты тогда очень хорошо знал, что был такой кризис доверия.

Р.: Хорошо, но есть кризис доверия и кризис доверия...

К.: Так знал?

Р.: О том, что существует кризис доверия, знал.

К.: И как ты считал, почему?

Р.: Если это в интересах моей работы, пусть даже по политическим причинам, ради того, чтобы более эффективно вести работу... Но кризис доверия в том смысле, что я вражеский агент, – о таком я даже не смел подумать. Я и теперь с чистой совестью... в такие минуты у тебя... значение слова... прекрасно понимаю, что...

Ф.: Берегись, мертвые ведь еще могут воскреснуть.

Р.: Мертвые не воскресают...

Ф.: Берегись, берегись!

Р.: Я скажу кое-что. Я теперь в таком положении, что если бы я сейчас сказал, что, признавая свой долг перед Партией и так далее... дескать, я действительно агент империалистов, – так ведь я бы ни слова не смог выдать, что бы со мной ни делали, насчет того, если бы меня спросили, скажи, с кем ты связан. Как бы я мог это сказать, если я никогда ни с кем не был связан?.. Здесь вот три признания. Одно – какого-то Боарова, который якобы приносил мне от Бранкова запечатанные письма, второе – какого-то проходимца – это вместе с тем критика и в мой адрес – Череснеша.

Ф.: Самый доверенный твой сотрудник...

Р.: Потому я и говорю, что это критика и в мой адрес, раз я о нем отозвался критически. Третье – признание Сёни. Признание Сёни о том, сколько недель назад он получил указание вступить со мной в контакт, и я стану его старшим связным. Я же всего-навсего человек, и если вы дадите мне возможность, тогда я сделаю вот что: опишу свою жизнь, и каждую маленькую деталь своего пути в рабочем движении разберу на мельчайшие подробности, покажу, с кем я был в контакте и т. д., чтобы можно было проверить каждый отдельный шаг на моем пути. И если у человека есть еще запас доверия со стороны Партии, и если у моих слов есть еще... если есть хоть малейшая возможность, чтобы руководство Партии занялось моим делом, тогда я прошу, пусть руководство позволит мне описать свою жизнь, как можно подробнее, с именами, чтобы была возможность проверить... потому что я не могу требовать, чтобы мне просто так поверили, потому что... Я одно могу утверждать, одно утверждаю: что бы со мной ни произошло, я ни на суде, ни где-либо еще никогда не буду заниматься подрывной деятельностью по отношению к Партии, не займу вредную для Партии позицию, но все то...

К.: И до сих пор не занимался?

Р.: И до сих пор не занимался.

К.: Никакой деятельностью, подрывающей авторитет Партии?

Р.: Сознательно – нет.

К.: Занимался или не занимался?

Р.: Занимался, но занимался не сознательно, то есть в том смысле, что занимался не с враждебными намерениями. Сознательно занимался, потому что, когда издавал то или иное распоряжение, был в здравом уме. Но не с враждебными намерениями. Но не с целью подорвать авторитет Партии.

К.: Послушай, если ты собираешься продолжать то, что начал, а ты четыре дня врал, плел что в голову придет вокруг того вопроса, кто [...] (*непонятно*). И так с каждым вопросом, от первого до последнего. Ничего хорошего из этого не получится.

Р.: Не врал я четыре дня, кто меня завербовал. Чушь это, не думайте, что...

К.: Но ты так поступаешь с каждым вопросом.

Р.: Не сердитесь, но...

К.: А зачем ты врал, что список Б⁶⁵ забрал сначала для себя, потом отнес товарищу Ракоши?

Ф.: Ракоши его никогда не видел.

Р.: Я только могу сказать, что когда однажды вечером получил список Б, то поехал с ним на квартиру товарища Ракоши. Товарищ Ракоши особо посмотрел в нем агентов в церкви, в католической церкви...

К.: Людей из списка Б?

Р.: Людей из списка Б. Особо посмотрел, кто те, кого он не одобрил бы...

К.: Вот что я тебе скажу! Ракоши никогда не видел список Б. И если бы он услышал, что ты просишь этот список для себя, он запретил бы тебе его выдавать. Понятно?

Р.: Я во всяком случае сам был свидетелем... (*непонятно*).

Ф.: Послушай меня, Райк! Ты просил товарища Петера⁶⁶, чтобы он предоставил тебе возможность поговорить с представителями Партии, искренне рассказать им о своих ошибках. Мы пришли. И находимся здесь уже целых полдня. Мы думали, наконец-то ты поумнел и в самом деле искренне откроешь Партии все, о чем до сих пор молчал, что утаивал от нее. Мы пришли сюда, а ты даже самокритикой не занимался в нашем присутствии, хотя с этого надо было начать.

65 Можно предположить, что речь идет об одном из списков тайной агентуры, работавшей в Венгрии под крышей Союзной контрольной комиссии, в деятельности которой принимала участие и югославская сторона.

66 Шефа политической полиции Г. Петера.

Если ты честный человек, ты сказал бы, мол, товарищи, я допустил серьезные ошибки, хуже того, вел антипартийную деятельность, потому-то и потому-то. Но ты не продемонстрировал такую позицию, а принялся нам доказывать, что ты – честный человек. Уже на основе тех показаний, которые ты давал до сих пор, выясняется, и ты подтвердил это собственными словами, что ты троцкист, националист, антисоветский и антипартийный элемент. У тебя нет сил, нет смелости признать это, что доказывает, что ты закоренелый враг Партии. А мы пришли, чтобы сказать тебе: Райк, вот тебе шанс, в последний раз воспользуйся им, перед тобой стоит Партия, мы представляем перед тобой Партию. Но ты только оправдываешься, пытаешься отмыться здесь добела, и это показывает, что [...] (*непонятно*).

Р.: Если меня даже исключат из Партии, я все равно могу говорить как коммунист.

Ф.: Нет.

Р.: Этого мне никто не запретит.

К.: У тебя нет морального права произносить, говоря о себе, это слово – коммунист.

Р.: Ладно, я одно могу сказать: надеюсь, когда-нибудь, может быть, уже не при моей жизни, трагическое заблуждение прояснится, все это поймут. Потому что насчет того, что я допустил тяжкие ошибки, я сегодня все написал, я все написал.

Ф.: Это один процент того, что ты сделал.

Р.: Я все написал. Но насчет подозрения, будто я был чуждым элементом в Партии, орудием в руках чужих сил, сознательно подрывал авторитет Партии и так далее, это останется нашим делом, но это трагическое заблуждение руководства Партии. Это я смею утверждать со спокойной совестью. И если есть возможность и нет какой-то особой срочности, то я просил бы дать мне спокойные сорок восемь часов, чтобы я мог все это написать.

К.: Ты одно пойми! Здесь только у тебя есть срочность, чтобы объяснить, что ты совершил против Партии и идеи. Это только тебе срочно.

Р.: И я это сделаю самым тщательным образом.

К.: Правильно. И второе: во втором письме, которое ты нам написал, в последних строках ты сам говоришь, что, в противоречие с первым письмом, когда ты писал, что в Партии и в Госбезопасности сидят американские агенты, – ты утверждаешь, что ты и есть враг внутри Партии. Ты писал это?

Р.: Писал.

К.: Ну так и говори об этом, а не о другом!

Р.: Но в связи с чем я это писал? Там написано, что я представляю в Партии такие буржуазные идеологические пережитки, в результате которых и появилось в Министерстве внутренних дел то-то и то-то и так далее. Вот что я имел в виду, от этого я и сегодня не отказываюсь, это я и сегодня признаю, и писал об этом даже гораздо подробнее. С тех пор я самым коренным образом проанализировал в себе все эти вещи, но одно скажу... чуть не вырвалось имя товарища – но не буду называть... одно скажу: это останется трагической ошибкой руководства Партии, если меня...

Ф.: Ах ты... *(говорят все сразу, разобрать невозможно)*.

Р.: Прошу прощения, я не утверждаю, что я – безукоризненный и... и...

Ф.: А по нашему мнению – ты именно это и утверждаешь...

Р.: Партийное руководство в конечном счете, ввиду незнания фактов здесь или там...

К.: Скажи, Райк, почему ты считаешь нас идиотами? Ну почему не Герё или Реваи или Фаркаш или я сидим на твоём месте?! Почему не по отношению к нам совершила Партия трагическую ошибку? Скажи, почему?

Ф.: Тито и его подручные тоже говорили, что Сталина неверно информировали о фактах, то есть Сталина на основе фактов подтолкнули к неправильным выводам. Ты тоже пользуешься такой тактикой, Райк!

Р.: Это совсем другое дело, это... *(заикается)*.

Ф.: Сегодня троцкисты вроде Тито открыто действуют под знаменем антисоветизма, верно ведь?

Р.: В общем, тут совсем в другом смысле... тот факт, что...

Ф.: Ты выбираешь ту же самую тактику.

Р.: Не выбираю я эту тактику.

Ф.: Видно, в одной вас школе учили.

Р.: Но, прошу прощения, у каждого человека в жизни есть две вещи. Одна, скажем, поступки, которые он совершает, которые предпринимает, и это само говорит за себя. Другая вещь, если можно так сказать, это его честное имя, честное сознание, что все эти ошибки он совершает из лучших намерений, совершает по глупости, из-за недостатка соответствующей идеологической подготовки... или же совершает их из сознательного, вредоносного стремления к подрыву. И я сказал... я... *(кто-то пытается перебить его)*... Одну минуту, я хочу еще сказать кое-что...

К.: Видишь ли, мы тут не торговки с площади Телеки.

Р.: В общем, может мне Партия дать сорок восемь часов, чтобы я написал...

К.: Не о сорока восьми часах идет речь, Райк, речь идет о тебе! Согласен ли ты рассказать все, что сделал, и как сделал, и в чьих интересах сделал, и по чьим указаниям, с чьего одобрения, в чью пользу сделал? Согласен ты все это рассказать или нет?

Р.: У меня один вопрос. Можно минутку, прежде чем... (*далее неразборчиво*). Вопрос мой вот в чем: пока со мной дело не прояснится и не будет закрыто, чтобы моей жене не было никаких ущемлений⁶⁷.

Ф.: Это зависит от твоего поведения!

Р.: [...] (*непонятно*).

Ф.: Это зависит от твоего поведения, Райк!

Р.: Ладно, спасибо.

(Пауза)

П. (Габор Петер): С этого момента ты не являешься коммунистом, не являешься членом Коммунистической партии, и слово «товарищ» больше не произноси, а если произнесешь, увидишь, что тебе будет. Это одно. И второе: согласен ли ты в течение часа изложить на бумаге все, что ты совершил, да или нет?

Р.: Я прошу дать мне возможность...

П.: Нет, я тебя спрашиваю: согласен ли ты в течение часа изложить на бумаге все, что ты совершил? Да или нет?

Р.: Я еще раз...

П.: Отвечай только на вопрос: да или нет?

Р.: Ладно, я изложу то, что знаю...

П.: Ты не это (!) мне отвечай! Согласен ли ты за один час изложить на бумаге все, что совершил, да или нет?

⁶⁷ Юлия Райк (1914–1981) была не только арестована, но и до своего освобождения в 1954 г. разлучена с сыном, отданным в детский дом в полугодовалом возрасте. В 1956 г. публично выступала с требованием восстановления полной справедливости в отношении мужа, позже участвовала в правозащитных общественных движениях кадаровской Венгрии. Сын, Ласло Райк младший (1949–2019), стал известным в Венгрии архитектором и дизайнером, в годы правления Кадара был связан с либеральными оппозиционными движениями, продолжал заниматься политикой и после падения коммунистического режима.

Р.: Я изложу, что совершил.

П.: Скажи мне: да или нет?

Р.: Да. Изложу, что совершил.

П.: Пусть садится и пишет, через час посмотрим, что у него получится... Эта ночь в твоей жизни будет самой черной, если не напишешь, что я тебе говорю.

(Пауза)

Р.: [...] (*непонятно*) чтобы дали сорок восемь часов.

П.: Послушай меня! Тем, что ты поднялся сюда, ты тратишь впустую свое собственное время. Ровно в час ты спустился, до двух я жду. Сейчас двадцать минут второго. Здесь нет необходимости, чтобы ты писал целых два дня. Мне достаточно будет нескольких фраз. Виновен в том-то и том-то, виновен в том-то и том-то... Для этого хватит и полчаса, а не целый час. А я все же дал тебе час. Еще раз тебе говорю: жду до двух, это сорок минут. Если через сорок минут не будет готово, пеняй на себя.

Р.: До тех пор будет готово, будет готово (?). Я потому пришел с этим вопросом, что хочу перечислить все.

П.: Но мне не надо подробно...

Р.: Одну минуту... Я все перечислю, но то, чего от меня сейчас ждут, я не могу, к сожалению, перечислить, потому что я этого не совершал.

П.: Ну вот что...

Р.: Вот почему я хочу, вот почему...

П.: Сорок восемь часов ты будешь писать в другой раз, когда справишься с этим. Сейчас у тебя сорок минут. За это время, если будешь писать по одной фразе, совершил то-то и то-то, виновен в том-то и том-то, ты этим многого избежишь. Если нет, то сегодня же ночью твоя жена тоже будет здесь, это я тебе обещаю. А кроме того, увидишь, что тебя ждет. Так что не теряй времени! Неси бумагу назад, и до двух часов можешь писать.

Р.: До двух часов я сделаю. Я только хотел бы сообщить здесь, и, разумеется, изложить это в форме вопроса, что, если будет такая возможность, я их получу, если не будет такой возможности, не получу, потому что, по всей очевидности, потом мне уже не удастся ничего писать.

П.: Да это уж точно, не удастся. Очень многое зависит от того, что ты сейчас напишешь.

Р.: Потом у меня не будет возможности писать, так что я еще раз заявляю – дальнейшее расследование установит, что все, что утверждали Сёни и другие, что это, так сказать, правда, я и сейчас не смог бы сказать, с чем связано...

П.: Ладно, сейчас иди обратно, у тебя тридцать семь минут, столько я подожду, а потом... (*непонятно*).

(Пауза)

П.: [...] Не перед Партией! Ты к Партии никакого отношения не имеешь. Ты перед Управлением Госбезопасности делаешь чисто-сердечное признание, так или иначе. Изложить на бумаге ты не захотел, эта игра окончена! Ступай с бумагой!

Р.: 48 часов...

П.: Никаких 48 часов!

(Пауза)

П.: Тебе об одном надо думать. Тебя будут бить, пока из тебя не выйдет все, что ты держишь в себе. Этим ты только показал, какой ты упорный враг. Ну а теперь ты сказал, что хочешь написать, о чем еще не писал. Скажи, что ты собираешься писать? Говори! У нас нет больше времени для тебя! О чем ты хочешь писать? Будешь говорить или нет?

Р.: (*тяжело дышит, что-то тихо отвечает*).

П.: У тебя есть что написать, что ты еще не сказал? Да или нет?

Р.: Есть.

П.: Есть. Тогда отведите его вниз, даю тебе еще полчаса, много не пиши, пусть это будут короткие фразы. О чем ты еще не говорил.

Р.: Не могу я сейчас писать.

П.: Не может писать. Уведите его.

Р.: (*шепчет что-то*).

П.: Нужны тебе полчаса или не нужны? Будешь писать?

Р.: Буду.

П.: Будешь писать? Уведите!

Источники и литература

Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ).

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).

Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф., Покивайлова Т. А. Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа (1949–1953). М.: РОССПЭН, 2002. 686 с.

Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 / отв. ред. Г. П. Мурашко. Т. 1–2. М.; Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997–1998.

Едемский А. Б. От конфликта к нормализации. Советско-югославские отношения в 1953–1956 годах. М.: Наука, 2008. 610 с.

Желючки Б. Й. Трагическая судьба Ласло Райка. Венгрия 1949 г. // Новая и новейшая история. 2001. № 2. С. 125–138; № 3. С. 166–186.

Кимура К. «Дело Райка» в контексте венгерско-югославских отношений // Славяноведение. 2012. № 1. С. 3–15.

Кимура К. Под знаком дунайского содружества. Венгерско-югославские культурные связи в 1945–1948 гг. // Славяноведение. 2010. № 5. С. 53–64.

Кимура К., Стыкалин А. С. Венгерско-югославские отношения: от «дела Райка» до смерти Сталина (1949–1953 гг.) // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2018. Вып. 13. № 1–2. С. 98–120. DOI: 10.31168/2412-6446.2018.1.2.08.

«Людям свойственно ошибаться». Из воспоминаний М. Ракоши // Исторический архив. 1997. № 3. С. 108–157.

Мурашко Г. П., Носкова А. Ф. Советское руководство и политические процессы Т. Костова и Л. Райка // Сталинское десятилетие холодной войны: факты и гипотезы. М.: Наука, 1999. С. 23–35.

На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953 гг.) / науч. ред. А. А. Чернобаев. М.: Новый хронограф, 2008. 784 с.

Петров Н. В. По сценарию Сталина: роль органов НКВД-МГБ СССР в советизации стран Центральной и Восточной Европы. 1945–1953 гг. М.: РОССПЭН, 2011. 351 с.

Последняя речь Яноша Кадара / публ. О. Якименко // Неприкосновенный запас. 2015. № 4. С. 141–159.

Сас Б. Без всякого принуждения. История одного сфабрикованного процесса. М.: Комментарии, 2003. 270 с.

Секретная советско-югославская переписка 1948 года / вступительная статья и примечания Л. Я. Гибианского // Вопросы истории. 1992. № 4/5. С. 119–136; № 6/7. С. 158–172; № 10. С. 141–160.

Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы / ред.-сост. Е. Д. Орехова, В. Т. Серeda, А. С. Стыкалин. М.: РОССПЭН, 1998. 863 с.

Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Документы. Т. 2 / отв. ред. Т. В. Волокитина. М.: РОССПЭН, 2002. 928 с.

Советско-югославские отношения. Из документов июльского пленума ЦК КПСС 1955 г. // Исторический архив. 1999. № 2. С. 3–63.

Стыкалин А. С. Дунайские проекты Оскара Яси // Вопросы национализма. 2014. № 19. С. 189–204.

Стыкалин А., Кимура К., Якименко О. Дело Райка 1949 г.: взгляд из Югославии // Россия и Венгрия на перекрестках европейской истории. Вып. II. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2016. С. 243–273.

Стыкалин А. С. Столетний юбилей начала венгерской революции 1848 г. в контексте советско-югославского конфликта // Центральноевропейские исследования. 2018. Выпуск 1 (10). День в календаре. Праздники и памятные даты как инструмент национальной консолидации в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе XIX–XXI вв. / гл. ред. О. В. Хаванова. М.; СПб.: Нестор-История, 2019. С. 67–89. DOI: 10.31168/2619-0877.2018.1.3.

Gibianskii L. The Hungarian-Yugoslav Territorial Problem in Soviet-Yugoslav Political Contacts 1945–1946 // *History & Politics*. III. Bratislava, 1993.

Gibianskii L. The Soviet Union and the Emergence of Yugoslav Communist Territorial Claims against Italy and Austria, 1941–1945 // *The Alps-Adriatic Region, 1945–1955: International and Transnational Perspectives on a Conflicted European Region* / ed. W. Mueller, K. Ruzicic-Kessler, Ph. Greilinger. Wien: New Academic Press, 2018. 261 p.

Mindszenty J. Emlékirataim. Budapest: Az Apostoli Szentszék kiadója, 1989. 502 o.

Rainer M. J. Távirat “Filippov” elvtársnak. Rákosi Mátyás üzenetei Sztálin titkárságának, 1949–1952 // 1956-os Intézet Évkönyv. VI. Budapest, 1998. 103–118 o.

References

Gibianskii, L. «The Hungarian-Yugoslav Territorial Problem in Soviet-Yugoslav Political Contacts 1945–1946.» *History & Politics*. III. Bratislava, 1993.

Gibianskii, L. «The Soviet Union and the Emergence of Yugoslav Communist Territorial Claims against Italy and Austria, 1941–1945.» *The Alps-Adriatic Region, 1945–1955: International and Transnational Perspectives on a Conflicted European Region*, ed. by W. Mueller, K. Ruzicic-Kessler, Ph. Greilinger. Wien: New Academic Press, 2018, 261 p.

Edemskii, A. B. *Ot konflikta k normalizatsii. Sovetsko-iugoslavskie otnosheniia v 1953–1956 godakh*. Moscow: Nauka, 2008, 610 p.

Kimura, K. «“Delo Rajka” v kontekste vengersko-iugoslavskikh otnoshenii.» *Slavianovedenie*, 2012, no 1, pp. 3–15.

Kimura, K. «Pod znakom dunaiskogo sodruzhestva. Vengersko-iugoslavskie kul'turnye sviazi v 1945–1948 gg.» *Slavianovedenie*, 2010, no 5, pp. 53–64.

Kimura, K., Stykalin, A. S. «Vengersko-iugoslavskie otnosheniia: ot “dela Rajka” do smerti Stalina (1949–1953 gg.)» *Slavianskii mir v tret'em tysiacheletii*. 2018, no 1–2, issue 13, pp. 98–120. DOI: 10.31168/2412-6446.2018.1.2.08.

«“Liudiam svoistvenno oshibat'sia”. Iz vospominanii M. Rakosi.» *Istoricheskaia arkhiv*, 1997, no 3, pp. 108–157.

Mindszenty, J. *Emlékirataim*. Budapest: Az Apostoli Szentszék kiadója, 1989, 502 p.

Murashko, G. P., Noskova A. F. *Sovetskoe rukovodstvo i politicheskie protsessy T. Kostova i L. Rajka. Stalinskie desiatiletiiia kholodnoi voiny: fakty i gipotezy*. Moscow: Nauka, 1999, 252 p.

Na priiome u Stalina. Tetradi (zhurnaly) zapisei lits, priniatikh I. V. Stalinym (1924–1953 gg.), ed. by A. A. Chernobaev. Moscow: Novyi khronograf, 2008, 784 p.

Petrov, N. V. *Po stsenariiu Stalina: rol' organov NKVD-MGB SSSR v sovetizatsii stran Tsentralnoi i Vostochnoi Evropy. 1945–1953 gg*. Moscow: ROSSPEN, 2011, 351 p.

Posledniaia rech' Janosa Kadara, publ. by O. Yakimenko. *Neprikosnovennyi zapas*, 2015, no 3.

Rainer, M. J. «Távirat “Filippov” elvtársnak. Rákosi Mátyás üzenetei Sztálin titkárságának, 1949–1952.» *1956-os Intézet Évkönyv*. VI. Budapest, 1998, 103–118 p.

«Sekretnaia sovetsko-iugoslavskaia perepiska 1948 goda, introduced and commented by L. Ia. Gibianskii.» *Voprosy istorii*, 1992, no 4/5, 6/7, 10.

Sovetskii Soiuz i vengerskii krizis 1956 goda. Dokumenty, ed. by E. D. Orekhova, V. T. Sereda, A. S. Stykalin. Moscow: ROSSPEN, 1998, 863 p.

Sovetskii faktor v Vostochnoi Evrope. 1944–1953. Dokumenty. Vol. 2, ed. by T. V. Volokitina. Moscow: ROSSPEN, 2002, 928 p.

«Sovetsko-iugoslavskie otnosheniia. Iz dokumentov iul'skogo plenuma TsK KPSS 1955 g.» *Istorichskii arkhiv*, 1999, no 2, pp. 3–63.

Stykalin, A. S. «Dunaiskie proekty Oszkara Jaszi.» *Voprosy natsionalizma*, 2014, no 19, pp. 189–204

Stykalin, A., Kimura, K., Iakimenko, O. «Delo Rajka 1949 g.: vzgliad iz Iugoslavii.» *Rossia i Vengriia na perekrestkakh evropeiskoi istorii*. Issue II. Stavropol: Northern Caucasus University Press, 2016, pp. 243–273.

Stykalin A. S. «Stoletnii iubilei nachala vengerskoi revolyutsii 1848 g. v kontekste sovetsko-yugoslavskogo konflikta.» *Tsentral'noevropeiskie issledovaniia*, 2018, no 1(10). *Den' v kalendare. Prazdniki i pamiatnye daty kak instrument natsional'noi konsolidatsii v Tsentralnoi, Vostochnoi i Iugo-Vostochnoi Evrope XIX–XX vv.*, ed. by O. V. Khavanova. Moscow; St Petersburg: Nestor-Istoriia, 2019, pp. 67–89. DOI: 10.31168/2619-0877.2018.1.3.

Szász, B. *Bez vsiakogo prinuzhdeniia. Istoriia odnogo sfabrikovannogo protsessa*. Moscow: Konntarii, 2003, 270 p.

Volokinina, T. V., Murashko, G. P., Noskova, A. F., Pokivailova, T. A. *Moskva i Vostochnaia Evropa. Stanovlenie politicheskikh rezhimov sovetskogo tipa (1949–1953)*. Moscow: ROSSPEN, 2002, 686 p.

Vostochnaia Evropa v dokumentakh rossiiskikh arkhivov. 1944–1953, ed. by G. P. Murashko. Vols. 1–2. Moscow; Novosibirsk: Sibirskii khronograf, 1997–1998.

Zselicky, B. «Tragicheskaiia sud'ba Laszlo Rajka. Vengriia 1949 goda.» *Novaia i noveishaia istoriia*, 2001, no 2, 3.

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.21

A. S. Stykalin, Yu. P. Gusev

**“We know that you were not born a scoundrel...”.
János Kádár interrogating László Rajk, 1949**

Alexander S. Stykalin
Candidate of History, leading research fellow
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation
E-mail: zhurslav@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0834-9090

Yuri P. Gusev
Doctor of Letters, independent researcher
Moscow, Russian Federation
E-mail: gusev.yury@gmail.com

Citation

Stykalin A. S., Gusev Yu. P. “We know that you were not born a scoundrel...”. János Kádár interrogating László Rajk, 1949 // *Slavic Almanac*. 2024. No 1–2. P. 373–426 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.21

Received: 30.04.2023.

Abstract

In the context of the conflict with Tito's Yugoslavia, unleashed on Stalin's initiative in 1948, the Soviet Union took steps to rally all the countries of the emerging Eastern bloc on the anti-Yugoslav platform. Particularly active in the anti-Yugoslav campaign was the leader of the Hungarian communists, Mátyás Rákosi, who feared that Moscow would not forgive him for his former closeness with the leadership of the Yugoslav Communist Party. In order to prove his loyalty to Stalin, and at the same time get rid of the most powerful domestic political competitor, Rákosi organized a large show trial of László Rajk, prepared with the participation of advisers from the USSR, modeled on the great Moscow trials of the 1930s. The Rajk trial of September 1949 further escalated the campaign against the Tito regime, during which, in accordance with a new resolution of the Cominform, adopted in November 1949, Yugoslavia was declared a country which was no longer in the power of just nationalists and revisionists, but spies and killers. The reader is invited to read the protocol of interrogation of László Rajk with the participation of the future leader of Hungary, János Kádár, who himself would be subjected to severe repressions by the Rákosi regime two years later on similar charges. For the communist reformer János Kádár, involvement in the Rajk case became as indelible a stain on his political career as the suppression of the popular uprising in 1956.

Keywords

I. V. Stalin, Josip Broz Tito, Mátyás Rákosi, László Raik, János Kádár, Sovietization of Eastern Europe, Soviet-Yugoslav conflict of 1948, Hungary, show trials.